

Сергей Хомутов

ВСЁ БУДЕТ В СРОК

Книга избранных стихотворений

УДК 882-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
Х 76

Настоящая книга издана за счет средств
бюджета Ярославской области

Хомутов С.А.

Х 76 **Всё будет в срок. — Рыбинск: Рыбинское
подворье, 2010. — 288 с.**

Книга стихов Сергея Хомутова «Всё будет в срок» включает в себя произведения, написанные за последние четверть века. Этот временной отрезок является наиболее цельным в творчестве поэта, всегда стремящегося отразить и осмыслить настоящее и прошлое как единое целое. Время нелегких перемен не могло не повлиять на мироощущение и даже мировоззрение автора, но не изменило одного — отношения его к истинным ценностям. Книга выходит в свет к 60-летию Сергея Хомутова и, несомненно, подводит определенный итог созданному им за десятилетия творческой работы.

ISBN 5-85231-052-2

© С.А. Хомутов, 2010

© Г.В. Соколов, оформление, 2010

ПОСТИГАТЬ НЕПОСТИЖИМОЕ

От автора

«До тридцати поэтом быть почетно», — заявил один известный сочинитель и продолжал писать стихи до глубокой старости, совершенствуясь и не теряя вдохновения. Главное — не твой возраст, а неотступное стремление еще что-то сказать о мире и о себе как частице этого мира. Сколько раз думал и в сорок, и в пятьдесят, и после, что, может быть, пора перейти на прозу. Но жизнь продолжалась, и желание высказаться на языке словесной музыки оставалось. Увидишь влажное цветение сирени, василек в июльском поле или березку на исходе лета, лежишь на траве в родных лугах, бродишь по берегу солнечной Волги — непременно приходят новые строки. А сколько вокруг прекрасного, попираемого жестоким человеческим равнодушием, — и об этом тоже не можешь молчать. Поэзия не отпускает, ревниво пресекает все попытки перейти на длинную прозаическую строку.

Очевидно, так я устроен, хоть возраст и диктует свои условия: «Хватит, ты всё, что мог, сказал». Но разве можно сказать всё? Вопрос в другом — как сказать? Уходит былая острота ощущений, легкость воображения, но остаются мысли, от которых не отмахнуться, и большее понимание того, что поэзия — это не простое умение рифмовать, а определенная связь с мирозданием, твой образ жизни и ее постижения.

На этом пути постоянно открываешь для себя новое,

если стремишься открыть. При прочтении каждой книги какого-то великого поэта видишь то, чего не замечал ранее. Возникает желание — не останавливаться, сделать еще шаг. Именно в том и задача — открыть новое, не замеченное другими, или сказать о старом по-своему и как можно яснее и выразительнее, чтобы это стало близким другим. Если читатель понимает тебя и сопереживает, значит, дни и ночи потрачены не зря.

Возможно, главное озарение еще впереди. Но времени в запасе всё меньше, поэтому уходишь от ненужной суеты, путешествий в экзотические края, поскольку больше и больше красоты открываешь в родных местах. Жизнь всегда интересна, как бы ни была сложна. А если она прошла в служении *Слову*, в единении с ним, в кругу людей, дорогих тебе и живущих тем же, — тогда и вовсе не о чем жалеть. Разве только о том, чего не успел, недопонял, недооценил...

Сергей Хомутов

***НАДЕЖДА ЕСТЬ
ЕЩЕ ПОКА***

* * *

Художник, мифотворец, ты свободу
Признал и сделал маркой ремесла
И время черпал, как черпа́ют воду,
Ковшом иль твердой лопастью весла.

Покуда ты живешь — всё достижимо,
Покуда дышишь — всё тебе дано,
Пусть нелегко, но всё же разрешимо,
И ляжет, верь, еще на полотно.

А под ногой — то влажный снег апреля,
То сентября горящая трава,
То радужная галька Коктебеля,
То Плёса чудотворная листва.

* * *

Я отвечу холодному веку,
В коем трудно уже человеку
Пребывать, а тем более жить.
Пусть пред ним
 я всего лишь пылинка,
Но во мне от небес половинка,
И непросто ее сокрушить.

Всем его изощрениям несатым
Я отвечу дыханьем открытым,
Добрым словом
 и взглядом прямым.
Не всесильна земная жестокость,
Коль душе приоткрылась высота
Под распахнутым небом родным.

Да и почва еще плодородна;
Пусть порою не слишком свободна
Мысль моя, воплощенная в звук,
Только главное —
 вера святая,
Эта вечная мера простая,
На сердечный отзывчива стук.

Женский лик, и березовый облик,
И закат, что из нежности отлит, —

Всё в моем неизменно дому.
Век холодный
 меня окликает,
Сопричастности черной алкает,
Я — любовью отвечу ему.

* * *

Вослед за царевной-лягушкой
Которое лето бреду,
То лесом, то ровной опушкой,
То хлябью, то лугом в цвету...

Но тщетно. Кусты и осока
Пустынны, темны, холодны,
А небо настолько высоко,
Что звезды уже не видны.

Зачем я поверил сказанью,
Восторженной сказке земной?
Сказанье свелось к наказанью
Дорогою этой сквозной.

Кончается вера и сила,
Ни птицы, ни плеска весла.
Лягушка-царевна...Россия...
Куда ты упала, стрела?!

* * *

У прошлого двойная власть,
Оно так просто и так сложно,
В него, как в бездну, можно пасть
И вознестись, как в бездну, можно.

Порой приемлемо с трудом
Во временной холодной мути, —
Как будто прихожу в свой дом,
А там живут — чужие люди.

Порой же, перейдя межу,
Я чувства нахожу иные, —
Как будто в дом чужой вхожу,
А в доме все — мои родные.

* * *

Пусть судят и налево и направо
Все прочие,
 вопя наперебой, —
Есть у России нажитое право
Собою оставаться, лишь собой.
Вдохни в себя высокий
 волжский воздух,
Таежный дух сибирской глубины
На станции заброшенной,
 при звездах
И таинстве полуночной луны;
Послушай в пошехонском разнотравье
Бесчисленных кузнечиков хорал
Иль треск берез в заснеженной дубраве, —
Ну где еще такое ты вбирал?
А то, что нашей кровью и слезами
Оплачено,
 кто выстрадал еще?!
Мы иногда понять не можем сами,
Сколь прошлое — поныне горячо.
Лишь нам, среди бурьяна и тумана
Времен,
 дано смотреть, и неспроста,
С ухмылкой из-за темного стакана,
С упреком из-за светлого креста.

Меня всё терзают грани
Меж городом и селом...

И комедии были, и драмы,
И трагедии высшего ряда,
Нас не грани терзали, а граммы,
Килограммы веселого яда.
Тонны времени гнули да мяли,
По родимой земельке пластали
Так, что часто мерещилось:
«Я ли,
Ты ли это? И как мы восстали?»
Нас не грани терзали, —
по сути,
Всё решается в мире любовью,
Были б травы, да птицы, да люди,
Да сходили слова к изголовью;
Да иконы глядели добрее
На плутания наши земные,
Да в зеленой старинной аллее
Душу трогали звуки родные:
Шелест листьев, травы колыханье,
И кузнечника звонкая лира,
И великая нежность дыханья
В отдалении от чуждого мира.

В КОНЦЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

В разбросанных далях, разбросанных днях,
В разбросанных тайных небесных огнях,
На тех полустанках, где воздух гудел,
Мы свой обретали бездомный удел.
Железные змеи ползли на восток,
Кипел напряженно страны кровотоков.
Вербованный люд в ресторане алкал
И после на полках блаженно икал,
А в тесных вагонах глотали пиво,
Не думая, сколь занесло далеко.

Мы связаны были пространством одним,
Ничуть не теряясь тогда перед ним.
На станциях малых, вокзалах больших
Мы лиц не встречали ни злых, ни чужих,
Когда выбегали к торговкам чудным,
Что нас окружали достатком сплошным:
Вареной картошкой, рыбешкой сухой
Да прочей добытой трудом требухой.

Пусть не было даже еще двадцати,
По возрасту если — мальчишки почти,
Но жизнь измеряла нас меркой иной:
Рождением вслед за великой войной,
Окраинным детством, где годик за три,
И временем дерзким, стучащим внутри.

Так в зрелость входили мы скопом одним,
В мужанье и то, что вставало за ним...
Ни гор золотых, ни безмерных утех
Никто не сулил нам в стремлениях тех,
Но мы и не думали вовсе о том,
Вдыхая дорогу распахнутым ртом.
...В разбросанных далях, разбросанных днях,
В разбросанных тайных небесных огнях.

Всё меньше дел непроходимых,
Что раньше на себя грузил, —
Теперь уже спасать родимых
Да близких бы хватило сил.
И так вины уже довольно
Испил, не меньше, чем вина, —
Как больно вспоминать,
как больно
Утраченные имена.
И понимаешь то, что прежде
Не мог почувствовать, вобратъ,
Жизнь сходится
к одной надежде —
Не потерять, не потерять.
И отступают все вопросы —
Кто мил тебе, а кто не мил?..
Мир, что увидел ты сквозь слезы,
Есть истинный и Божий мир.

МОЙ СВЕТ ВЕСЕННИЙ

*Друзьям по Литературному
институту*

1

Ничто тебя не тронет тенью
И отчуждением забытья,
Тверской бульвар,
 мой свет весенний,
Вторая родина моя.
Полунаивными стихами
Пытаясь угодить судьбе,
Мальчишкой с белыми висками
Я летним днем пришел к тебе.
О, гордые, прямые липы,
О, зов магических высот!..
Мы все по-своему велики,
И каждый мир в себе несет.
С душою праведной и грешной,
В раю побывшей и в аду,
Еще не раз, не два, конечно,
Я в этот мудрый парк приду,
Как будто в жизнь свою былую, —
И перед нею повинюсь,
И эти стены поцелую,
И перед Герценом склонюсь.
Присяду на скамье, в сторонке,
Под обновленную листвой,

Твой сын,
 проживший век негромко,
Мальчишка с белой головой.

2

Сбежав от мелкого уютца,
На удивительном Тверском
Другие «гении» сойдутся,
Чтоб обрести небесный дом.
Они в июльском тихом парке
Подымут свой бессмертный гам, —
Как наши споры, будут жарки
Их споры будничные там.
Хвала вам, новые витии,
Поклон вам, новые певцы,
За ваши строки молодые
С налетом радужной пылицы,
За ваши гордые усмешки,
Отмашки артистичных рук,
За то, что, мига не помешкав,
Летите вы на этот круг.
А мы в тенёчке у оградки
Влюбленно поглядим на вас,
Былого времени лошадки,
Чей отзвенел пьянящий час.
На этой просветленной сшибке
Не станем попусту пенять,
Что наши грустные улыбки
Пока вам не дано понять.

* * *

Памяти Павла Егорова

Где ты нынче блуждаешь — ни слова, ни звука —
В поднебесной, а может, подземной глуши?..
Знаешь, Пашка, а совесть — угрюмая штука
И тяжелая ноша для слабой души.
С нею вечно виновен, и век твой условен,
Потому что заведомый суд впереди;
Лишь в одном ты, наверное, беспрекословен —
В том, что сам собираешь досье для судьи.
А какие тревоги, а ночи какие,
А какие рассветы — руки не поднять...
Знаешь, Пашка, услуги ее дорогие, —
Может, лучше забыться, стаканчик принять?
Так бывает и будет по трусости нашей,
По желанью веревку ослабить чуть-чуть,
Пусть ворота измажут и дегтем, и сажей,
Пересилим. Не в этом заглавная суть.
Вот и всё. Это дело обмыть подобает
И ложиться уже успокоенным спать...
Только что там болит, и гнетет, и сгибает?
Неужели она? Неужели опять?
Трудно с нею поладить, с зовущей, кричащей
Про удел, что нам отроду жребием дан;
И опять остается во тьме леденящей
До утра на столе непочатый стакан.

МОЙ КЛОУН

Среди кривых зеркал
И долгих непризнаний,
Мой клоун, ты устал
От вечных кувырканий.
От скуки — ворошить
Презрительную нечисть,
От боли — мир смешить,
Когда смеяться нечем.
А пестрая толпа
Понять того не может,
Что ты — моя судьба,
Моя душа, быть может.
Что это я тебя
Рождал, учил, лелеял,
Что это я, любя,
В тебя, как в чудо, верил.
Лети через года
Людских улыбок ради
И, слышишь, никогда
Не думай о расплате.
Мой милый озорник,
Ты мне за всё отплатишь,
Коль в мой последний миг
Тихонечко заплачешь.

* * *

Не там, наверно, ищем вред, —
Предстал предвестьем наказания
Не грех уныния, а бред
Бессмысленного созерцанья.

На полустанке, что забыл
Себя
и в лопухах по пояс,
Ты возле насыпи застыл,
А жизнь — летящий мимо поезд.

Всего ж печальней, что, дыша
Налетом времени пустого,
Твоя усталая душа
Уже к поступку не готова.

Хотя бы странному тому —
Как в детстве,
 заросли сминая,
За поездом, вослед ему,
Бежать, бежать, зачем не зная.

* * *

Ну какие правила и нормы
Явлены поэту на Руси?
Грязные вокзальные платформы
Вместо лакированных такси.
Кухонные темные попойки
Вместо блеска райских кабаков,
Да пивные выцветшие стойки,
Да крутые речи мужиков.
Вечный спор: бездарность или гений,
Вечный бред расхристанных ночей,
Мельтешенье лысин да коленей...
Что за выбор? Что за жребий? Чей?
Дьявола иль Бога назиданье,
Человека или пустоты?
Кто ж такое обживает зданье
По желанью? Разве только ты.
Кто способен вечно удивляться
Каждому окрестному цветку
И какой чудак идет стреляться
На закате летнем к Машуку?..

ПРОБУЖДЕНИЕ

Вот и выплеснул май свой
торжественный цвет,
И, земной и небесною волей согрет,
Он свое проявляет раденье.
Плясуны-комары, и лягушки в прудах,
И веселые бабочки в теплых садах —
Всё вот-вот обретет вдохновенье.

Ты немедленно это почувствуешь сам,
Поклонись тополям,
и медовым шмелям,
И траве, и звезде, и свободе!..
Под живые полотна зеленых знамен
Выводи запоздалых надежд батальон
Во служение мудрой природе.

Отряхни поскорее усталость со лба,
Ничего, что любви не пророчит судьба,
Будь доволен восторженным сыном
В этой чистой весенней
природной гульбе,
Где слились золотым завещаньем тебе
Мать и мачеха в стебле едином.

* * *

Милая родина, грустная родина,
Тихая тропка в поля.
Право исконное в некоем роде на
То, что зовется земля.

Всё ощутимее, всё неизбежнее
Чувствует это душа...
Там, за дорогою, кладбище вешнее —
Межсветовая межа.

Крестики, звездочки, холмики рыжие,
Чайки, вороны, грачи...
Под голубую всемирною крышею
Кто мы от века и чьи?

Вот и приходим сюда утомленные,
Взгляды роняя в траву,
Чтобы очистить сердца запыленные
В памяти и наяву.

Буду дышать этой влагою вешнею,
Вслушиваться в тишину,
К веточке ивы, склоненной над вечностью,
Молча губами прильну.

* * *

Я виновен или все-таки закон
Временной,
но не сочтешь сегодня шуткою,
Что изрядно испоганен лексикон
И от почерка осталось нечто жуткое.

Нынче многого не смог я уберечь...
Вспоминается, как древнее сказание,
Что когда-то изучал «родную речь»
И возвышенный предмет —
«чистописание».

* * *

Где ты, непосредственность?
Иссякла,
Утекла в глухое забытье, —
Как двенадцать подвигов Геракла,
Отдалилось прошлое мое.
Свежестью означенное чудной,
Зреньем, осязанием, чутьем,
Вольностью,
 рассудку неподсудной,
Ныне затянувшейся быльем.
Всё ушло, и память, как булыжник,
Тяжела — ни сдвинуть, ни катнуть...
Как хотел бы ты из лет не ближних
Эти ощущения вернуть.
Прозревая мир над новой книжкой,
С таинством сродненный непростым,
Что же не смеешься над мальчишкой,
Неразумным, ветреным, пустым?..

* * *

Ничего не откроет набег экскурсанта, —
Нет созвучия русской душе вдалеке,
Лучше скрыться
 в аллейке приволжского сада
Или просто вдоль Волги пройтись налегке.

Я во многом бываю не прав,
 только это,
Очевидно, знакомо не мне одному;
Словно лодка, плыву в тополиное лето,
Не к причалу —
 к простору плыву своему.

На траву опускаю горячие руки,
Лишь с глубоким родством постигается,
 что
В этот миг пробуждает заветные звуки,
Те, которые больше не слышит никто.

* * *

Из какой бы ни выбрался чаши,
Если строки твои настоящи,
Если сам ты себя не сломал,
Значит, жил не случайно, пожалуй,
Но себя на исходе не балуй,
Срок отмеренный короток, мал.
Слово — штука совсем не простая;
То тщеславьем сплошным обрастая,
То всеядностью, то суетой,
Вдруг теряет, что раньше имело,
Чем до срока играло, звенело,
Наполняло себя высотой.
Гул застолий, приемов и прочих
Ощущений совсем не рабочих
И чужих, непонятных тебе...
После всех этих диковращений
Ничего, кроме отвращений,
Не возникнет в смиренной судьбе.
Всё весомее память о прошлом,
Что не стало ни скудным, ни пошлым,
Хоть, наверно, могло бы не раз;
Сколь еще ни протянется строчка,
Впереди — та заглавная точка,
Без которой не кончен рассказ.

* * *

Не всё еще, но испытал
Достаточно, по крайней мере,
И по задворкам поплутал,
И побыл на своей премьере.

Омыл и водкой, и слезой
Провалы бед,
 побед ступени
И перед бабушкой с косой
Стоял...и падал на колени.

Воспитывал учеников
И яростно, и осторожно,
Да только результат каков —
Понять пока довольно сложно.

Отдать хотел, что получил,
Но чувствую, клонясь к итогу:
Жить никого не научил, —
И хорошо,
 и слава богу.

* * *

Печально всё — и то, и это...
Что делать грешному поэту,
Куда брести — к пивной, в кабак?
И с чем? С полупустым карманом?
Не обольстишь себя обманом,
Нет, не получится никак.
Поэтому ступай до хаты,
Неси туда свои утраты,
И обретения неси.
Доверься женщине родимой,
Как никогда необходимой
В такой вот пагубной связи.
Возьми зачитанную книгу,
Предайся вечности и мигу
Чужому, ставшему твоим.
Жизнь все-таки еще осталась,
А то, что на душе усталость,
Знакомо это и другим.
Потом присядь к столу ночному,
Возьми перо — одно к другому
Пойдут слова, взойдут цвета;
И тихо поплывут соцветья
Над черным обликом столетья,
Над белым облаком листа...

* * *

В каком бы ни был положеньи зыбком,
Пока еще при теле голова,
Храни для друга добрую улыбку,
А для врага — суровые слова.

Но есть другая, высшая порука
Того, что честь и совесть дорога:
Найти слова суровые для друга,
Спокойную улыбку для врага.

В недоступном пока что краю.
В ожиданьи заветного часа,
Точно в храме
 пред образом Спаса,
Перед мутным окошком стою.

ДИКОРОСС

Сергею Кузнечихину

Приедет мой собрат лохматый,
Приподнятый, хотя помятый,
Заросший дикой бородой;
Он ввалится в мою квартиру,
Вобравший драму и сатиру
И дух поэзии крутой.

Ее тяжелый выхлоп смрадный,
Но чем-то все-таки отрадный,
Наверное, как жизнь сама,
Как наша яростная память,
Что не одну сглотнула заметить
И всё же не свела с ума.

Всему свое, конечно, время, —
Похмельное согнуло бремя
Иных, а некоторых — нет.
Нам не дано судить и в позу
Вставать, мол, некто принял дозу,
А мы тверезы, как букет.

Всё просто в мире и непросто,
Не надо пыжиться бесхвостом,
Хвост и за нами в десять верст;
Свою цистерну опростали,

Добро, что сволочью не стали —
Вот в чем поставленный вопрос.

Длинные земные перегоны,
Для каждого свои законы,
Тому — портвейн, тому — кефир;
В одном близки мы бесконечно,
В том, что и вечное не вечно
И протирается до дыр.

Но только Слово золотое
Для нас — воистину святое,
И перед именем его
Мы будем падать на колени
Всегда и в соловьиной звени
Ловить живое торжество.

Мой брат, искания поэта —
Переплетенье тьмы и света,
И сам он тоже — тьма и свет.
Я верю, что-то нам зачтется
И строчка хоть одна прочтется —
На эту жизнь скупой ответ.

* * *

Кто мы все-таки — нечто живое,
В смысле разума, веры, деяний,
Иль погрязшее в громе и вое
Наслоенье пустых излияний?
Оправданье Господних стремлений,
Воплощение Вышнего слова
Иль бессмысленность совокуплений,
Повторяемых снова и снова?
Единенье, которое свято
Сохранит и умножит заветы,
Или попросту пыль, что когда-то
Сдует ветром вселенским с планеты?..

И ничего, что сединой
Покрасило,
 гнетет усталость...
Но сдавит холод ледяной,
Когда поймешь, —
 проходит старость.

* * *

Тот сгорел за десяток отчаянных лет
В беспощадном костре вдохновенья,
Но оставил навек удивительный свет —
Постижения и откровенья.

А второго — спалила до пепла тоска
Безысходности
 в мире жестоком,
Но трагический образ вписал он в века
На тревожном надрыве высоком.

Третий — просто забыл сигарету в ночи
Затушить,
 и обуглилось тело,
Но небесные ангелы, словно врачи,
О душе порадели всецело.

Пролетает крылатый мифический конь,
К облакам серебрящимся рвется;
И дрожит над землею прекрасный огонь,
И звучанье из пламени льется.

* * *

Умирают учителя,
Горло стискивает петля
У гробов, где они почили,
И, от них уже далеки,
Понимают ученики
То,
что столько недоучили.

Чья вина — разбирай теперь,
Посреди громовых потерь,
Что уже испытали сами.
И над гробом,
еще живой,
Ты удел различаешь свой
Прозревающими глазами.

Суета, поминальный звон —
Эти спутники похорон, —
Что пристойно,
что непристойно?..
Умирают учителя,
И одна лишь сыра земля
В этот миг
промолчит спокойно.

* * *

Эпохи нынешней приметы:
Немые остовы церквей,
Отцов унылые ответы
На откровенья сыновей.

Неясное взрастает племя
В пределах темных и тупых,
Ну вот и наступило время —
Слепые повели слепых.

* * *

Истории нашей страницы известные,
Наверно, придется не раз перемерить, —
Доколе еще в чудеса безвозмездные
Ты будешь, Россия наивная, верить?..

В твоих поговорочках — манна небесная,
А в сказках народных — кругом самобранки,
Но после — дорога, тоска ли «железная»,
Несжатые полосы да полустанки.

Доколе?.. Уже не смешно созерцателю
И горько участнику трагикомедии;
Ну сколько еще обращаться к Создателю
В текущем и каждом грядущем столетии?!

В том глупости больше иль все-таки дерзости,
Особинки или сплошной ненормальности?
Тревожно мне в этой родной полудетскости,
Но страшно в другой оказаться реальности.

* * *

На станции Ростов я водку пил в буфете,
Котлетою сухой зажевывал ее —

И, может, был в тот миг

счастливей всех на свете,

Поскольку вспоминал заветное свое.

Семидесятый год. Распахнутое Неро,

И девушка, и свет ее открытых плеч,

Качает нас вода, благословляет небо,

И солнце на воде

горит в сто тысяч свеч.

И купола плывут, как лебеди, в просторе,

И древний дух стоит

в окрестностях кремля,

И таинство в ее всё говорящем взоре,

И лодка нас несет без весел, без руля.

Святые города, вас память охраняет,

Где б ни были,

мы там до самых крайних дней.

И пусть сегодня жизнь

в нас многое меняет,

Да можно ли изжить то, что всего родней?

На станции Ростов я взял вторую сотку,

И в голову мою ударил хмель такой,

Как будто выпивал тогда совсем не водку,

А тот далекий день —

с восторгом и тоской.

И снова юным был,
а не седым и грустным,
И снова открывал все таинства свои
Во граде, что венчал
нас древним духом русским,
Во времени ином,
во времени любви.

* * *

Я выйду в мир, в кипенье тополей
И кучевые облака берез...
Жизнь, ты зови меня и не жалея,
Пусть больше будет гроз
и светлых слез.

На площадях, перронах и мостах
Еще не раз ушедшее вернем, —
Всё в мире этом на своих местах,
Когда свое ты место занял в нем.
Последний хор июньских соловьев
Не предвещает грусти,
но вдали
Уже я слышу восходящий зов,
Которым тронут небо журавли.
Сегодня самый длинный день в году,
И в полночь можно

звезды посчитать
И загадать желанье на звезду, —
Что еще можно только загадать?..
Вспоминаньем чувства освежу,
Вдохну июньский полумрак парной
И по ночной Вселенной поброжу,
Как по лужайке в стороне родной.

* * *

Живя надеждой, ожидая чуда,
Угадывая близкие черты,
Мы разошлись в пустыне суеты,
О том еще не ведая покуда.

Мучительно глядим по сторонам,
Вот этот, эта... Нет, опять ошибка...
Не те слова, глаза, не та улыбка.
Сейчас назад бы обернуться нам.

Но, видно, в плеске солнца иль дождя
Ты отвлеклась, и я не вскинул руку...
Идем, навстречу тянемся друг другу,
Всё дальше друг от друга уходя.

В РОДИМЫХ МЕСТАХ

Здесь мне природа — мать не по названию,
А всё по-матерински отдает,
И вовсе не к признанию, а к познанию
Душа зовет, отчетливо зовет.
Ручей дрожит...

А может, это музыка
Рождается на клавишах камней,
И вовсе не бессилие, а мужество
В деревьях — на ветрах осенних дней.
И не бурьян бесформенный обочины
Заполонил,

а сход великих трав...
И посреди своей негромкой отчины
Я оживаю, к прошлому припав.
И каждый шаг — весомая прибавочка,
И, весело взлетая над лужком,
Здесь ничего не собирает бабочка,
А попросту целуется с цветком.

В том безмерность святого звука —
Не способна его наука
Рассчитать и предположить.
Белый лист и глухая полночь.
Ты — один. И кого на помощь
Звать, чтоб вечность
за миг прожить?..

* * *

В рекламных шоу, пиршествах тщеславия
Мы преуспели нынче, как никто,
Но это лишь обёртки да заглавия,
Продукция для цирка-шапито.

А что во глубине, в глубинах кроется —
Не разглядеть, когда повсюду муть;
И разум, словно бомж в помойке, роется,
Совсем не там отыскивая суть.

Не боги мы, но испокон отмечены
Подобием небесного Творца
И в давние века очеловечены,
Да все-таки, видать, не до конца.

И потому — сплошные потрясения,
И ноша заблуждений нелегка.
...На крест идут не ради вознесения,
А ради искупления греха.

* * *

Апрельское время шальное,
Весенняя смута в душе,
Вот-вот — и тепло проливное
Обычным предстанет уже.

Ох, как это надо, как надо,
Когда ты не молод совсем,
Но дух пробужденного сада —
Далек от задумчивых тем.

Смешение света в природе
С негладким светом в тебе —
Не слишком естественно вроде,
Но свойственно вешней гульбе.

И с прошлыми днями свиданье,
И новые чувства твои,
И первой листвы ожиданье,
И, может...последней любви.

* * *

Жизнь ставит невозможные уже,
Немыслимые попросту задачи
Твоей
 стократ надломленной душе,
Потратившей сегодня все заначки.

Ты многое познал, постиг сполна,
И не из книг,
 а собственной судьбою,
Горчит слюна, и тяжелит вина,
И тянет, как булыжник, за собою.

Последний выход... Сложно выбирать,
В чем представлять
 предельно откровенно,
Когда в спектакле, что дано сыграть,
И шут и трагик ты одновременно.

ПАМЯТИ МОЛОГИ

Темная, глухая глубина,
Не достанешь до сырого дна.
Среди этой невеселой сини
Не пройдет ни человек, ни лось;
Рыбинское море растеклось,
Точно клякса, по моей России.
Как плевков, что брошен свысока
На людские судьбы и века
Доброго, непраздного раденья,
На погосты, рощи и луга,
Милые речные берега,
Что хранили свет и откровенье.
Бьется в дамбу стылая волна,
Словно бесконечная вина
Ей годами не дает покоя.
Кости предков холодом свело,
Всё живое стерло и смело
Черною бесстрастной рукою.
Нет сюда возврата, да народ,
Как легендой, верою живет —
Отомкнется водяная штольня!
И не зря в означенные дни,
Словно Божий перст, из глубины
К небесам восходит колоколья.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Виктору Ерохину

По Угличу дыхание веков...

Из цикла «Углич»

1

Память вдруг всколыхнется во мне,
В тесной кухоньке, в стороне
От истории громкого гула,
Что на время как будто уснула.
Только может ли прошлое спать,
Только может ли прошлое стать
Отчуждением, безмолвием, тленом
В самом истинном и сокровенном?
Углич — уголь родимой земли,
Он мерцает и тлеет вдали,
И его погасить невозможно, —
Всё тогда станет пусто и ложно.
Разве можно лишиться основ?
Этот вывод и выбор не нов;
Да не хочется слышать иного,
Кроме гордо звучащего слова
О величии Русской земли,
Как в грядущем бы ни нарекли
Наши грады и наши уделы...
И свистят устремленные стрелы,
И горят факелá и костры,

И парят купола и шатры.
А на кухоньке — праздник простой,
Рюмка водки да хлеб золотой,
И возвышенный свет и любовь
Возвращают к минувшему вновь.

2

В Отечестве моем то смертный бой,
То из глубин нахлынувшая боль,
То тленья смрад,

а то пожара сполох,

Всё это отражается в реке,
Ну а в моей слабеющей руке
Не меч уже, а стариковский посох.
Раздумьями живет в миру поэт,
Но, если обступают мрак и бред,
И власть ничтожна,
и народ безбожен,
Какие книги вещие читать
И чем себя для вечности питать, —
Искомый выбор просто невозможен.
Смешалось понимание красоты,
Героев благородные черты
Сегодня словно комиксы для многих,
Да и младенцев убиенных — тьма
Среди лишенных сердца и ума
В базарном торге выроdkов убогих.
Неровная дорога впереди,
Она, как все нелегкие пути,
Потребует себе благословенья;

Гляжу в туман, потом в себя смотрю,
С невидимым Владыкой говорю,
Но нет ответа на мои моления.

3

На чем стоим и надо ли стоять,
Когда ничком сегодня пол-России, —
Быть может, взять топор за рукоять
И разнести, что все возносили?
На чем стоять и супротив кого —
Врага, себя ли самого — отныне,
Поскольку столько чуждого всего
По древнерусской растеклось равнине?
Мы так привыкли — и сумей поди
Повыветрить из нас пристрастность эту —
Взирать на тех, кто скачет впереди,
А не на тех, кто призывает к свету.
Где вы, князья, да графы, да народ, —
Хранители престола и простора, —
Пройдет ли по России Крестный ход,
Такой, что нас очистит от позора?..
Но теплится в измаянной душе
Живая быль спасительным наследьем,
И надо устоять на рубеже,
Возможно, что воистину последнем.

4

Не надо ни себе, ни Богу лгать, —
Таинственной волей провиденья
История — наука низвергать —

Еще не стала сводом возрожденья.
Вседневно ненавидя и любя,
То — бережем, то — в гнев потрясаем,
Святыни сберегая, и себя
Мы этими святынями спасаем.
И нас хранят не только меч и шлем,
Но крест, несомый с думою суровой —
Какой наследник явится и с чем,
С молитвою за Русь иль смутой новой?
Какая бы ни выпала среда,
В болотной дреме или в блеске молний,
Но колокол над нами никогда
Не замолкал и никогда не смолкнет.
Весь мир дрожит сегодня на ноже,
И жалки наши праздники да тосты,
Как много славных отошло уже
На тихие церковные погосты.
И всё же я надеждою живу,
И раздуваю гаснущие угли,
И всё упрямей про себя твержу,
Как заклинанье:

«Углич...Углич...Углич...»

* * *

Брат мой, призадумался о чем?
Замутило душу на пиру:
Оттеснили прошлое плечом,
Ну а что сегодня ко двору?

Да, шумит на площадях народ,
Но претит искусству суета,
И молчанье, как январский лед,
Снова намерзает на уста.

И напрасно, перышком скребя,
Времени выдумывать черты,
Если даже самого себя
Осознать уже не можешь ты.

Если кличут на гробах плясать,
Если держат небо на замке,
Если миру нечего сказать
На великом русском языке.

* * *

Невесело на родине моей,
Дома пустеют и горят всё чаще,
Но так же чудно манит соловей
Подружку,
 завлекает в майской чаще.

Разъехался по городам народ,
Разруха съела старые жилища,
Где жались к огороду огород —
Теперь трава покрыла пепелища.

Пытаюсь глупой шуткой оправдать
Увиденное,
 чтобы не заплакать:
Мол, хорошо здесь бабочкам летать,
Да и лягушкам надо где-то квакать.

* * *

Надежда есть еще пока
На то, что мы зовем природой,
Покуда в кружеве цветка
Пригрелся шмель рыжебородый;
Пока озвучена листва
Божественным небесным звоном
И умиленная трава
Полна волнением зеленым.
Доколе сам ты умилен
Простым цветением картошки
И солнышко со всех сторон
Стекает на твои дорожки;
Покуда в луговой дали,
Неповторимо сердце грея,
Восходит к небу от земли
Сиреневый огонь кипрея.

* * *

Мысли наполовину о лете,
Но, другой половиной маня,
Предосенних садов благолепье
За три Спаса уводит меня.
И, как будто от чудного сглаза,
Всё иначе мне видится тут:
Ждут поленницы скорого часа,
Где они, словно храмы, взойдут.
Ветер носит листвяную почту
По округе, готовой ко сну,
И жуки зарываются в почву,
Ну а птицы спешат в вышину.
Остается уже за спиною
Лугового настоя теплынь,
Только память пребудет со мною,
Возвращая в июльскую синь,
Где в мечтах устремленных и смелых
По откосу сбегал я к реке
В окружении бабочек белых,
Со свечою ромашек в руке.

* * *

Кирпич, древесная гнилуха, —
Фрагмент печального холста...
Но запустенье и разруха
Еще не значит — пустота.

Ужель прибавят интереса
Творенья нынешних умов —
Завалы серого железа,
Драконьи головы дымов?

Нет в хаосе бездушном брода,
Исхода для живой земли...
Как празднично цветет природа
В местах, откуда мы ушли.

* * *

Темное, тайное Неро
Под крепостною стеной, —
Вот она, древняя мера
Нашей свободы земной.

Здесь позабудешь, что годы
Всё изменили давно,
Что измельчали народы,
Как в современном кино.

Эхо, дыхание, оклик,
Звон колокольный окрест, —
В камень задумчивый отлит
Облик завещанных мест.

Ветром оттиснута доля
В нишах мерцающих плит,
Финно-угорская воля
Русскую душу пленит.

* * *

Постойте, серые дожди,
И не ровняйте лес под бритву,
Владыко Август, погоди
Читать последнюю молитву.

В твоих владениях святых,
В своих раденьях откровенный,
Дай для раздумий золотых
Еще денек благословенный.

Дай таинства цветных берез
И празднества кленовых звонов,
Дай понимания всерьез
Твоих серьезнейших законов.

На этом проливном свету
Всё мелочное искупаю,
Под благодать твою иду,
Под небеса твои ступаю.

Туда, где праведный уют
Стекает на землю волнами,
Где тихо ангелы поют
О том, что позабыто нами.

ВОЗРАСТ

Ветерок задумчивый в аллее,
Холодок отчетливый в душе,
То мрачней пространство, то светлее,
И ступаешь, словно по меже.

Справа тянет прошлое, а слева —
Будущего смутные черты,
То смиренья приступы, то гнева,
И живешь привычно с ними ты.

Рядом с поздним сполохом ромашек
Островки травы почти сухой.
Кто-то вслед тебе прощально машет...
Или же зовет к себе рукой?..

Молча остановишься, не зная,
Что поделать и куда идти,
И оса, как пуля золотая,
Замирает у твоей груди.

* * *

Птицы смолкли в желтеющей роще,
Да и листья устали кружить.
Если б мог я спокойнее, проще
Век, отпущенный свыше, прожить...

Хорошо возле тихого поля
Теплым полднем октябрьским стоять,
Понимая, что кроется воля
Там, где смертным ее не объять.

Пусть еще ненароком срываю
То, что раньше изведаль сполна,
Да не я эту жизнь доживаю,
А меня доживает она.

* * *

Всё позади: пересуды и споры,
Гомон и смех на июльском тепле...
Ранняя осень. Сырые заборы.
Тихие листья на тихой земле.

В дальней аллейке знакомого сада
Вдруг захлестнет умиление до слез.
Ранняя осень. Пора листопада.
Свет, исходящий от желтых берез.

Так удивительно всё изменилось.
Жизнь заполняет прозрачный покой.
Ранняя осень. Последняя милость.
Дерево мокрое грею щекой.

* * *

Уходит былая жестокость,
Сплошная непримиримость,
Сменяет иголки шерсткой
Моя возрастная зримость.

Пусть в чем-то еще привычно
Стою на своем упорно,
Да к старости неприлично
Бодаться повсюду вздорно.

Хоть дух остается духом,
В нем доброе больше ценим,
Ведь даже репейник пухом
Становится к дням осенним.

БЛИЗКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Устав от житейских продленок
Среди растревоженных дней,
Я снова, как малый ребенок,
В заботе укроюсь твоей.

Отброшу вчерашнюю смуту —
Всё, что леденило и жгло,
И станет мне в эту минуту,
Как в детстве, легко и светло.

Забудемся в поздней пирушке,
Пусть в этот негаданный срок
Опять на неровной макушке
Младенческий всходит пушок.

* * *

Замерзла скрипка, и застыл скрипач,
С трудом смычком выдавливает плач
На беспредельном холоде базарном,
Слетает голос жалкий со смычка,
Дрожит оледенелая рука,
Что движима еще больным азартом.

Не вдохновеньем, нищетой того,
Кто, в общем, не добился ничего,
Хоть и мечтал, и верил, и стремился, —
Но вот исход...

Базарная толпа,
Бессмысленна, гудяща и слепа, —
Так неудачно жребий преломился.

Конечно, грустно это, но куда
Страшнее тяжесть мирового льда,
Нависшего над человеком ныне.
Его — трудней преодолеть смычку,
Трудней перу, несущему строку,
И кисти, примерзающей к холстине.

Играй, скрипач, — хотя бы одного
Ты окрылишь,
 рождая волшебство
Иль мастерство творя перед толпою;

Авось подбросят что-нибудь к ногам,
Как многим тем, что по иным векам
Прошли, единой связаны судьбою.

Прочь, холод роковой, не тронь струну.
Ты видишь: человек, что шел ко дну,
Взлетел, себя пространству открывая.
И я печаль свою разворошу,
И мысленно в ладонь его дышу,
Дрожащее искусство согревая.

* * *

В блаженной тишине и на ветру крутом,
На рельсовых путях и на речных извилах,
Что жизнь всегда права —
я принимал с трудом,
Поскольку был горяч и одержим в порывах.
Но времени закон и возраста налет
Давили неспроста и строгостью пытали,
Всё чаще по усам стекал, как в сказке, мед,
Хмельные дозы в рот уже не попадали.
Я тер побитый лоб, ладони бинтовал,
И где бы мог найти — подсчитывал потери,
И чаще размышлял, и реже бунтовал,
Не впрыгивал в окно, войти старался в двери.
Любимых и друзей всё больше сберегал
И не впадал уже в дешёвые интрижки,
С обиды не зверел, от злости не алкал
И с полки доставал возвышенные книжки.
Теперь, на склоне лет,
на грустном рубеже,
Отброшены сполна давнишние сомненья...
Что жизнь всегда права — испытано уже,
А смерти не нужны и вовсе наши мненья.

* * *

Не скажу, что остались в запасе большие резервы,
Всё печальней висит на усталых плечах голова,
Но еще поживем

и, срывая последние нервы,
О своем поколении верные скажем слова.

Знаю, что не успели пропеть о насущном и многом,
Не восславили добрых надежд и любимых имен...
Поиграем, собратья, звенящим отточенным слогом,
Поверяя потомкам красивые тайны времен.

Пусть любимые ждут и цветов, и стихов окрыленных,
За страдания все на разбитых дорогах земли,
Но в тяжелых ночах и порывах своих утомленных
Не дошли мы пока что до них, не дошли,
не дошли.

Мы еще поживем и расскажем о светлых и милых,
Может, в том и открыв нам завещанный дар,
Чтоб живые цветы подымались на наших могилах
И веселые пчелы на них собирали нектар.

***ЗА ЧИСТЫМ
ЧЕТВЕРГОМ***

ПРИГОВОР

Чтобы снова на слом испытать человека.
И опять подводя под минувшим черту,
На холодном закате двадцатого века
Нас «поставили к стенке»,
 лицом в пустоту.

Только по непонятной донине причине
Всё ж оставили жить,
 неизвестно зачем,
Потому как о нашей нелепой кончине
Недвусмысленно, в общем, поведали всем.

И глядим в темноту, и ступаем на ощупь.
В одиночку, и сами не знаем куда,
Кто-то мрачно молчит,
кто-то жалобно ропщет,
Про себя вспоминая былые года.

В напряжении скорбном, и слепо, и немо
Мы идем незнакомым, корявым путем...
Вот земля позади,
впереди — только небо,
Слава богу, теперь не собьемся, дойдем.

Легко сказать, что ты —
 всего лишь зритель,
А не свидетель, призванный «на пир»,
Но лицедеем сыгранный властитель
Встает из гроба, возвращаясь в мир.

И кровь течет, как пиво, по экрану,
Ну а «тиран» и душит, как поет,
Родной земле несет за раной рану,
Идет — и сам себя не узнает.

Он зрителю сейчас развеет скуку,
Но упаси вас господи попасть
Под эту сокрушающую руку,
Под эту низвергающую власть.

Грех домислов еще свое догложет,
И лицедеем сыгранный святой
Нас отмолить столетьями не сможет
Ни в жизни этой,
ни в картине той.

* * *

Плата за душу теперь всё дороже,
А по дороге — коряги да пни.
Что́ же ты нынче, Россия,
и кто же
Дети, возросшие в новые дни?
Мало прочесть умудренного Данта,
Надо усвоить прозрения те, —
Сфинкс превратился в уroda-мутанта
На чернобыльнике да пустоте.
А в городах ни воды, ни дыханья,
А деревень не осталось почти,
Страшно и мерзостно до содроганья
В завтрашний день человеку идти.
Там, где в полнеба цвело узорочье,
Скоро узреем лишь сизую муть,
Тысяч экранов трещанье сорочье
Нам не позволит уже отдохнуть.
Серые лица да тусклые взгляды
Будем встречать на асфальте сплошном.
Чаще и чаще гремят водопады,
Ветры сливаются в реве одном.
Огненный смерч по лесам и полянам,
Пыльных столбов роковая стена, —
По разметенным,
порушенным странам
Катится, катится эта волна.

Мы-то, пожалуй, не станем другими,
И не настигнет прижизненный суд.

Что́ же ты нынче, Земля,

и какими

Пасынки в новых пределах взрастут?

Что им предстанет?

В пространстве нелепом

Разве доступны благие пути —

Почвой безродной, под выцветшим небом,

С пеплом в сознании да камнем в груди?..

Мы сегодня разведемся... Через четыре минуты
Тепловоз набежит и рассадит людей по местам,
Но еще не однажды
припомнятся странные пути,
Из которых не мог ты без помощи
вырваться сам.

А потом оборвет серым камнем нахлынувший
город
Размышленья твои о загадках пролетной судьбы,
Но лишь только острее
душою почувствуешь холод
И ничтожность своей
не дошедшей до Бога мольбы.

За окном темнота, и, к стеклу приникая глазами,
Ты напрасно пытаешься высмотреть вечное дно,
Что с рожденья до смерти привычно зовем
небесами,
Но глядишь и глядишь, и другого тебе не дано.

* * *

Грядет ли душе вознесение?
Сегодняшний мир как напасть,
Свобода — лишь сильным спасение,
Для слабых — возможность пропасть.

Ну кто ты, замученный, маленький,
Влекомый жестокой игрой, —
Пусть даже не баловень маменькин,
Да всё же совсем не герой.

Меж Сциллой нужды
и Харибдою
Сползанья в извечную грязь,
Опутанный смутною липкою,
С надеждой взираешь на власть.

Вседневною ношей придавленный,
Приняв за спасенье стакан,
Ты, воле безудержной явленный,
В ней топчешься, как истукан.

Нет прежних вокруг указателей,
Нет поводырей для слепцов,
В приятелях столько предателей,
И столько вокруг лжеотцов.

Размазаны яства по скатерти,
И каждый к столу норовит,
А нищий всё так же на паперти
С тоскою бездомной стоит.

В обносках своей кацавеечки
Застыл на житейской мели,
И в кружке его не копеечки,
А слезы родимой земли.

Мы сегодня уже не в цене,
На родимой своей стороне —
Постояльцы, изгои, скитальцы.

Точно колья, несущие страх,
Точно копья в железных руках,
Стрелки черные время считают.
Нет грядущего в наших часах,
Далеко-далеко в небесах
Наши песни былые рыдают.

* * *

Неужели мы снова сегодня уйдем из России, —
А вернуться непросто,
 поскольку пути размесили,
И мосты надломились,
 и слишком сердца утомились, —
Да неужто к тому благоверные наши
 стремились?

Нам плеснуло в лицо чуждой музыкой,
 чуждою речью,
Чуждой сутью, уже непохожею на человечью.
Мы не видим крестов,
 что губительный путь заступают,
И берез, что пред нами к земле свои ветви
 сгибают.

Неужели мы снова сегодня уйдем из России,
Точно так же когда-то другие себя уносили.

А Россия останется, нет ей конца во Вселенной,
Той же самой пребудет, возвышенной
 и сокровенной,
С теплым взглядом и русским красивым,
 осмысленным словом,
Самым нежным, но только для тех,
 кто уходит, — суровым.

За спиной остаются былины и песни родные,
И могилы отцов-матерей, и просторы цветные,
И великие книги, и пастырей славных молитвы,
И народные праздники, и легендарные битвы.

Вот уже и ветра, как над мертвыми, заголосили,
Неужели мы снова сегодня уйдем из России?..

* * *

Что камни — кулаки, и зубы — словно зубья,
Смыкается толпа, но говорить о чем?..
Нельзя пророком быть во времена безумья,
В такие времена
ты должен быть врачом.

Что можно предсказать: крушение заветов,
Обвалы в никуда, смятение да мор?
Того ли ждет народ, всё жуткое изведав,
Об этом ли вести сегодня разговор?

А если не о том, о чем же, в самом деле, —
О птичках да цветах, о бабочках шальных?..
Когда весь мир уже, пожалуй, на пределе,
Неужто созерцать и сладко петь о них?

О солнечных ручьях и тайнах полнолуния
Иль просто ни о ком и даже ни о чем?..
Но страшно прорицать.
Во времена безумья
Пророком быть уже — почти как палачом.

* * *

До какой не извернешься темы,
Если век предательски зловещ,
Душат беспросветные проблемы:
Лютый зной,

энцефалитный клещ...

Да к тому же отключили воду
Вечные садисты ЖКХ,
Жалобе твоей не дали ходу,
Что в быту совсем не чепуха.

Но внезапно

громом телефонным

Всё как есть отбросило, снесло:
Умер человек,

и похоронным

Ветром охватило тяжело.

Суета еще трещит, как сводня,
Только ты к ней в этот миг остыл,
Только умер человек сегодня —
И глаза на миг живым открыл.

И уже стоит перед тобою

День грядущий

в ясности больной,

И твоею собственной судьбою,

И твоею личною виной.

За знаменьем —

новое знаменье,

Отступает праздность и тщета...

Неужели только здесь прозренье,

Только здесь?..

И снова слепота.

ВЕСНА 2010

Ни Царского Села, ни «царской» рыбы,
Вокруг одни развалины

да глыбы

Разрытых постоянно мостовых;
Разруха в душах доброго народа,
Капуста и картошка с огорода —
Спасение людей полуживых.

Ни света,

ни любви в холодных душах —

В губителях, растлителях, чинушах,
Заполонивших добрую страну;
Бредущие по бездорожью толпы
В неведение забиты, словно в колбы,
И медленно спускаются ко дну.

Весна моя,дохни водою талой,
Смахни тревогу с головы усталой,
Синюшный лед от сердца отведи
И днем грядущим,солнечным,весенним,
Спасительным

Прощеным воскресеньем,

Последнее паденье упреди.

Ни Царского Села, ни рыбы «царской»
Не надобно судьбе моей бунтарской,

Есть у меня окраина моя,
Где вслед за Пасхой
 в рост рванутся травы
И будут, как всегда, всесильно правы
Великой правотою бытия.

* * *

Ляжет на душу темная трещина,
Дни разверзнутся болью сплошной,
А утешит случайная женщина
Ненароком в дороге ночной.
Тихим словом да теплым касанием,
Лунным взглядом, прозрачным до дна...
Под ее полудетским дыханием
Вдруг отгадет твоя седина.
Волей Божьей нежданно-невенчанно,
Сострадая, а может, любя,
Одного лишь спасти ей завещано,
И по прихоти странной — тебя.

* * *

В стране, где правды две иль три,
От светлой до угрюмой,
Ты что желаешь — говори
И что желаешь — думай.

Сегодня ложь
 почти как мед —
Источник благоденства,
Ее глотает мой народ,
От старца до младенца.

Четыре правды, десять, сто —
Удобно и прекрасно,
Да только отвечать за то
Придется сообразно.

И станешь вспоминать с тоской,
Какою жил «отрадой», —
Раздавлен в пустоте мирской
Сто первой,
 Божьей правдой.

* * *

Мы вседневной овеваны тайной,
В том не раз убеждался, не два.
...Замолкаю на мысли случайной,
Пропускаю чужие слова.
Что мне звуки минутного спора,
Мимолетных фонем торжество.
Я пока что среди разговора,
Но уже в стороне от него.
Сквозь настырные звоны посуды,
Анекдотную вашу возню,
Разбитные суды-пересуды,
Проливное величье меню,
Сквозь хлопки по плечам и объятья,
Заверенья, проклятья, разврат —
Ухожу... Скучновато занятие —
Полубред и полумаскарад.
Знаю, самое дорогое —
Не скопление суетных дней
И не бренимая жизнь, а другое,
Что немного поодаль, за ней.

* * *

Просят люди на хлеб,
раньше было — просили на водку,
Это можно понять, а теперь невозможно уже.
На какую сошлись мы сегодня жестокую сходку,
На каком перевале стоим, на каком рубеже?!

Вроде всё как и прежде:
поля, перелески, дороги...
Даже храмы восходят из прошлого небытия.
Только слишком зловещи
пришедшего мира уроки,
И ему не нужны ни любовь и ни святость моя.

Как понять и смириться
и Бога просить о грядущем,
Если путь обозначен в иную, безбожную даль,
Где наполнено всё ненасытным,
телесным, жующим,
Продающим себя и плюющим на Божий алтарь.

Я стремился открыть,
я пытался понять и желаю,
Не бегу от работы, заботы и добрых людей,
Но всё больше кругом гоготанья, шипения, лая,
И всё чаще встречаю у дома незваных гостей.

Нищета — не порок, но кому заповедано это?
Тем, кто верою жив,
 чистотою, служеньем земным, —
Благородному пастырю, лекарю или поэту,
Самым светлым друзьям
 и наставникам самым родным.

Да грядут небеса,
 обретет благоденство страдалец,
Ну а землю живую неужто отдать сатане?
Кто мне высветит правду,
 какой бедолага-скиталец?
Я купил бы ее по любой, даже страшной, цене.

И гляжу я в окрестность глазами сирот
и бездомных,
И молюсь, но молитва для дикого сброда пуста,
И опору ищу в удивительных высях бездонных,
И плевки вытираю с рассветного лика Христа.

* * *

Н.

Кондовая родина, по деревенькам твоим
Иду я, в июльскую пыль окунаясь, как в дым.
По этим проселкам когда-то прошло полстраны,
А нынче бывлые отметки почти не видны.
Лишь изредка встретишь на глине людские следы,
И даже коровьи нечасты среди лебеды.
Ступать... Но куда? Зелены, как болота, пруды,
И всё ощутимей сознание пришедшей беды.
Одни лишь старухи с трудом доживают здесь век,
Едва замечая незримого времени бег.
Их дети да внуки толпой подались в города,
Хотя бы на лето — и то не заглянут сюда.
Колодцы погнили, не служат в церквушке давно,
Лишь воздух такой, что всё так же пьянит, как вино.
Вдохнешь — и не веришь в жестокую быль на пути,
И хочется дальше и дальше проселком идти.
Туда, где восстанут, как лики забытых икон,
Виденья, которыми Русь и жива испокон.

* * *

На станции заплеванной и серой
Дохнет внезапно позапрошлой эрой.
...Лавчонки чуть живые, мухи, грязь,
Девчонки лишь — унынию не в масть,
Но рядом, с овощами в пыльных тряпках,
Старушки в мятых платицах и тапках —
Везут с участков скудный урожай,
Что им зимой не предвещает рай.
Мужик-ханыга с полупьяной рожей
И, как ботинок, продубленной кожей.
Все поезда привычно ждут,

а он

Затягивает что-то перегон.
С крыльца сойдешь — и некуда податься,
Поселок пуст. Ну, разве оторваться,
Взяв за углом бутылку и в кустах
Ее в нутро залив себе на страх,
Поскольку не понять, какое зелье
В ней плещется,

чем выльется похмелье.

Россия, эти станции смурные
Тебя гнетут, как раны потайные,
Невидимые из высоких мест, —
И в этом тоже твой нелегкий крест.
Доколь его тащить — никто не знает,
А местный житель просто привыкает:

Сиди да ожидай — состав придет,
Такой же точно едет в нем народ.
Куда, зачем,
 в какие времена?..
Прости меня, родимая страна.
Но горькие приходят ощущения,
Что нам
 не будет, видимо, прощенья.

ЧЕРНЫЕ ХОДЫ

Ох эти черные ходы,
Сквозные норы,
Их наши светлые труды
Сметут не скоро.
Они вросли корнями в плоть
Страны и века,
Всё продырявившие, в плоть
До человека.
До человеческой души,
Его сознания.
Они удобны, хороши,
Не портят зданья.
Такая маленькая дверь,
Едва заметна,
Но как вчера, так и теперь
Еще заветна.
В театр, аптеку и нарсуд,
В номенклатуру,
В больницу, баню, институт,
В литературу.
Туда, где с доброго конца
Не сыщешь ходу,
Где у парадного крыльца
Полно народу.
А, впрочем, та ли это дверь?
Нет прежней пыли,

Ходы не черные теперь,
Их побелили.
И окружили теплотой,
Сплошным уютцем,
Да, жаль, тебе до ручки той
Не дотянуться.
О, порожденье чистоты,
В святое веря,
Годами тупо ходишь ты
К парадной двери, —
Где нет надежды для мечты,
Одни загвоздки,
Где, как могильные кресты,
Крест-накрест доски.

* * *

Нам доверили волю, да мы не смогли удержать
Вскачь летящее слово

и желчную суть властолюбья.

Ох как трудно дышать,

а тем более что-то решать

В толчее многолюдья, которое глуше безлюдья.

Перекованы цепи на прутья, что стонут в руках.
Раньше просто вязали,

а нынче мозги вышибают,

И качаются тысячи душ на незримых суках,

И до самой земли деревца молодые сгибают.

Где ты, скрипка моя?

Паганини, приятель, сыграй,

Как случилось когда-то в иные далекие годы;

Здесь тебе набросают на водку, простите, на чай,

Наш народ по себе не корыстолюбив от природы.

Ладно, хватит, довольно впустую тоску ворошить.

Выйду в люди, туда,

где своими всех вольных считают,

Где у двери пивнушки заплеванной

«пить иль не пить»,

Всё на свете забыв, обезумевший Гамлет гадает.

АВГУСТ 2010

Шесть десятков моих с вопросами
Да ответами

как связать?..

Этот август своими грозами
Хочет многое мне сказать.
По ночам надо мной склоняется,
Навевает цветные сны,
То ли в чем-то сам извиняется,
То ли жаждет моей вины?
Мы уже разминулись, видимо,
Я шагнул за его предел, —
Мне осеннее время выдано
И остаток осенних дел.
Но ему одному с рождения
Право отчее отдано
Упрежденья и утверждения,
Выливающих в одно.
Август, я твои грозы слушаю,
Речи огненные твои,
Перед будущей мокрой стужею
Светом душеньку напои.
Не унылым и не подавленным
Жизнь хочу осознать полней
Перед Спасом, трехкратно явленным,
Накануне Успенских дней.

Памяти поэта Игоря Жеглова

И тогда, может быть,
 снизойдет возвращенье,
И прощение, верю, ко мне снизойдет,
Хоть какое всё это имеет значенье,
Коль тяжёл и трагичен сегодня исход.

Правда, можно сказать,
 что непросто за всеми
В наши дни уследить в суматошной дали,
Но живые всегда виноваты пред теми,
Кто ушел и кого мы спасти не смогли.

Вот и мне сознать эту вечную долю.
А точнее — не вечную, а до поры,
И печально глядеть,
 как по зимнему полю
Догорают сердец золотые костры.

* * *

Несозвучна эпоха бессмертному слову стиха,
Видно, этим она
для бессмертного слова плоха.

Несозвучна эпоха
порывам влюбленной души,
И поэтому тихо сиди в уголке, не дыши.

Несозвучна эпоха, пожалуй, уже ничему,
Среди смуты пришедшей
себя самого не пойму.

И стою посреди устремленной в безвестье страны,
Будто нищий
напротив великой Кремлевской стены.

Анатолию Грешневикову

Над прозрачной водой, у деревьев больших,
Возле храмов, по-прежнему богоугодных,
Нет ни чуждого шума, ни видов чужих,
Ни соблазнов столичных, ни мыслей холодных.

И у времени четкого контура нет, —
Где, в каком ты столетье —
сказать невозможно:
Небо чистое, трав удивительный цвет,
Ветерок, овевающий вас осторожно.

И покажется вдруг нам на этом свету,
Что, каким-то нелепым захвачены хмелем,
Преступили однажды случайно черту,
Но вернулись и больше уйти не посмеем.

* * *

Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь — время колокольчиков.

Александр Башлачев

Посреди бесполох шествий
И всеобщего подвоха
Голосами сумасшедших
Окликает нас эпоха.
Нет сочувствия в твердыне,
Окружившей их всеядно;
Только, что страшнее ныне —
Смерть ли, жизнь ли, — непонятно.
Неприкаянных, лохматых,
Растворенных в чистом слоге —
Этою твердыней смятых
Сколько пало по дороге.
И напрасно их «лечили», —
Видели не то причиной.
...Может, это мы почили,
Мы запахли мертвечиной?
Извертелись, исписались,
Всё возможное пропели,
Благородные остались,
Богородные сгорели.
Что тут скажешь, век итожа
Перед прошлыми часами?
Мы летать умели тоже,

Но себя связали сами.
Нам сегодня одиноко,
Неуютно, ритуально,
А они живут высоко,
Недоступно, нереально.
А они живут, не тужат
В строчках и своих гитарах,
А они доныне служат
В сторожах и кочегарах.
Верные шальному зелью —
Средству от вселенской стужи,
Охраняют нашу землю,
Согревают наши души.
Всюду пусто, глухо, немо,
Всё святое прокутили.
А быть может, это в небо
Форточку заколотили.
Но нисходит к изголовью
Таинством и содроганьем
То, что выплеснуто с кровью
И легчайшим придыханьем.
Нет предела жгучей воле,
Где по-прежнему сторают.
...Снова слышу — в русском поле
Колокольчики играют.

* * *

За Чистым четвергом, со строгой чистотою
Явившимся тебе прозреньем неземным,
Придет особый свет,

над нынешней тщетою
Ты обретишь себя совсем иначе с ним.

Перехлестнула путь непроходимость смуты,
Истерзанных ночей, рассветов ледяных,
Когда в тебя летят и сквозь тебя минуты,
Как пули бьют и бьют, и не уйти от них.

И некого судить, ты сам судим и грешен,
Оправдан лишь одним — что каяться умел,
И до сих пор любил, и на любви замешан
Твой каждый новый срок среди насущных дел.

Как завтра на тебя своим прищуром глянет —
Не в том сегодня суть, помысли о другом:
Что главное — всё то, чем жизнь еще предстанет,
Случится только там — за Чистым четвергом.

* * *

Не играю никакую драму,
Ни к чему теперь в страдальцы лезть,
Но всё чаще вспоминаю маму, —
Видимо, тому причина есть.
И отца сутулого, седого,
Безысходно смятого судьбой,
Ничего не ждущего иного
В жизни беспощадной и слепой.
На закате каждого денечка
Прошное в глаза мои глядит:
Вот она — у ветхого мосточка,
А чуть-чуть поодаль — он стоит.
Чтоб увидеть, памятью очнуться
И тепло почувствовать в душе,
Раньше надо было обернуться.
А теперь — не надобно уже.

* * *

Последние дни уходящего лета...
Листва шелестит, или плещется Лета, —
Как хочется, так и считай
И память пристрастно листай —
Зачитанный томик былого,
Знакомый до каждого слова.

Последние чудные летние виды
На восемь сторон безвозмездно открыты,
И в каждом прозрения свет,
На многое в жизни ответ.
И свечи берез не случайны,
В них таинства, полные тайны.

Последние мысли о мнимом величье,
Над ним рассмеется собрание птичье,
Постигшее — больше тебя,
Сильней это небо любя.
Очнись же, очнись, человече,
Пока не погашены свечи.

* * *

Воплощая свет Отца и Сына,
Духа вознесенного приход,
Девочка по имени Христина
В храме от рождения живет.
Видно, в честь Христа ее назвали,
Именем Господним нарекли,
Думая о будущем едва ли
В той безбожно-проклятой дали.
Девочка по имени Христина,
Тоненький молитвенный цветок,
Всё в ней удивительно едино,
Явленное в богоданный срок.
Возле храма с песиком играет
И такую речью говорит,
Словно с неба буковки собирает,
В каждом слове по свече горит.
Дитяtko, возросшее под Богом,
Под молитвой, под святой звездой,
За каким означенным порогом,
Для кого назначен образ твой?
С крестиком на шее лебединой
В черный день и безотрадный год
Девочка по имени Христина
Выйдет в мир и этот мир спасет!

* * *

У пошлости, по сути, нет одежды, —
Просвечивает всякая насквозь.
И все твои библейские надежды
Ломаются и едут вкривь и вкось.

Да, впрочем, и скрывать особа эта
Упрямо не желает ничего,
Ждет ото всех лишь одного ответа —
Безмерного признанья своего.

Нахально лезет в строки и полотна,
Досужих ослепляя голизной,
И, хоть всегда бездарна и бесплодна,
Пройти не позволяет стороной.

И вот уже царит на многих тронах
И властвует в низложенных сердцах,
В процессиях блуждает похоронных
И пляшет на великих мертвецах.

Ты от нее беги, от этой жажды —
Всё вечное собою заслонить,
Но упаси тебя Господь однажды
Ее всеилья недооценить.

* * *

Последние силы срываю,
Всё чаще ночами не сплю,
Но чувствую — не успеваю
Поведать о том, что люблю.
В нахлынувшем времени диком
Припомнить о многом другом,
Быть может, не слишком великом,
Но все-таки мне дорогом.
Вернуть ощущения иного —
Спокойного, ясного дня,
Гони же, ямщик, вороного,
Что в память уносит меня.
По милым заволжским просторам,
Задумчивым русским полям,
К тропинкам родным да угорам,
К черемухам и тополям.
До лавочек тех и завалин,
Где речи вели старики,
Где век мой однажды заварен,
Наверно, всему вопреки, —
Волне рукотворного моря
На месте, где предки выросли,
Лавине блокадного горя,
Что маму не смыла с земли.
Гони же, родимый, гони ты,
Чтоб всё же осмыслить сумел,

Какие протянуты нити,
Какой мне отмерен удел.
Лети среди солнечных блёсток,
Метельных и пыльных хвостов,
Хотя бы до тех вон березок,
До тех невысоких крестов.

* * *

Неугасимо горит лампада в соборном храме!..

Н. Шипилов

Они приходят к нам, безысходным,
в миру пропавшим,
Забившим души греховным звоном,
ослепшим всеу,
Чтоб дать надежду на исцеленье
больным и падшим —
В простом участье, святом причастье
и поцелуе.
Не в том, которым Иуда метил
на казнь Мессию, —
В ином,
но тоже несущем строгое испытанье.
Их троеперстье зовет Россию,
ведет Россию
И под молитву,
и под предательское роптанье.
Не только храмы
в изображениях суда и муки,
А смрад притонов, хмельных безумий,
продаж телесных —
Все искушенья, чумные вопли, чужие звуки
Нам открывают,
напоминая о мрачных безднах.
Они убоги — добром наивно спасти пытаюсь;

* * *

Россия рухнула во тьму.

Г. Иванов

Черную беду не пересия,
Не избегнув роковых погонь,
Сколько раз ты рушилась,
Россия, —

И во тьму, и в бездну, и в огонь.
Под копыта конницы Мамая,
Под железо траков и колес,
Но вставала,

Крест свой подымая,
Иногда не сдерживая слез.
Ты сама себя же изводила,
Погребая лучших из сынов,
И под воду часто уходила,
И под землю,

но взрастала вновь.
Каждое столетье пировало
На твоей страдальческой крови,
Но глаза ты снова открывала
И тянулась к свету и любви.
Из руин, из тлена, из неволи
Вырывалась, яростная, ты,
Из безверья, темноты и боли...
Сможешь ли восстать из пустоты?..

ЛЕТО 2009

Чем жить и дышать в беспросветные дни
Смятенья столиц развращенных,
Среди беспредельной чиновной возни,
Безудержных бредней ученых.

В провинции нынче заботы свои —
Как выжить и чем прокормиться,
Еще бы послушать — поют соловьи
Иль пьют из небесной криницы.

Прибиться поближе к родимой земле,
И к бабочке той, и к ромашке,
А вечером в тихом заволжском тепле
С дружкой пропустить по рюмашке.

И вспомнить о тех, кто счастливее нас, —
Не видят сегодняшней смуты,
Но всё же надежду хранить про запас
На светлые дни и минуты.

Не зря же так сладко ласкает висок
Среди временного бурьяна
Шального шмеля древнерусский басок,
Как вещая песня Бояна.

* * *

Тревожной мыслью сам себя неволишь,
Перебирая смутные года:
Неужто мы —

 черновики всего лишь
Для тех, кто нам вослед придет сюда?

И сколько будет вычеркнуто ими,
И очень может быть — совсем не то,
Утраты станут слишком дорогими,
Их не восполнить после ни за что.

Но сумрачнее
 от иных прозрений, —
Что, явленные миру без прикрас,
Мы — жалкие останки тех творений,
Которые начертаны до нас.

И дожил этот час достойно,
 задумчиво и непорочно,
Грехов случайных не прибавил,
 другим сумел простить грехи.
Добро бы это летом было,
 точнее, в августе обильном,
Чтоб яблоками пахло в доме
 и увядающей листвой,
И скорь перебивали мысли
 о чем-то светлом и всесильном,
И воробышка на балконе скакал
 веселый да живой.
И чтобы ощутил ты всё же отчетливо,
 а не туманно,
Что данный срок земной —
 всего лишь очередной природный срок,
Что есть она, душа,
 которой весь век служил ты неустанно,
Которой оставался верен и потому ее сберег.

* * *

Адрианова пúстынь, простор, тишина,
И тревога, понятная сердцу сполна,
И цена бестолковому веку...
Древний храм, и трава,
и цветы вдоль тропы,
И отсутствие нашей привычной толпы,
Постоянно склоняющей к бегу.

Как живем? Да, наверно, порою никак,
Даже солнечный свет превращая во мрак
И в погоню себя обращая
За наживой безмерною,
властью тупой
И над миром, и просто над этой толпой,
Нехорошую страсть ощущая.

Ну а здесь — не спеша до колодца идешь,
Отступают гордыня, безверие, ложь,
Мысли о каждодневной потребности...
Тут коровки пасутся,
там вьются шмели,
И сосновая роща восходит вдали,
И прозрачное облачко в небе.

Адрианова пустынь, святая юдоль,
Отгони же, смети мою тяжесть и боль,

Дай заблудшему сыну прозренье,
Приоткрой мне дорогу к пределам иным,
Где найду я
 не с веком греховным, чумным,
А с собою самим примиренье.

* * *

Что судить наше время и нас
По иным, достославным эпохам,
Сквозь обрывки бессмысленных фраз
То ползком пробираясь, то боком.

По великим не ступишь следам,
Не осталось для прошлого места,
Ни Есенин и ни Мандельштам
Не проявятся вдруг у подъезда.

Не пройдет отуманенный Блок
Между столиков полуподвала,
Не возникнет из воздуха слог,
Не всплывет чудный лик из бокала.

Им в небесном светиться дому,
Где и раньше они пировали...
Мы уходим из тьмы и во тьму —
И к потомкам вернемся едва ли.

* * *

Нас не убьют, нас просто не заметят,
На слово наше просто не ответят —
Другие у эпохи короли.
А мы пройдем,
 как ветерок вдоль поля,
Как по столбцам газетным крик о воле,
Как по рукам последние рубли.

Нам глотки иссосет словесный голод,
Убийц не будет,
 будет просто холод
Страны угрюмой, пустоты земной.
Нас упрекнут в безволии да пьянстве,
Нас обвинят в дурном непостоянстве,
Коль что-то надо выставить виной.

Нам скажут о страдании России,
Повытащат предания о силе
Пророков, что задушены до нас.
Терпите, мол, родимые, терпите,
Пока в домашнем,
 не тюремном быте,
Не дай-то бог, еще настанет час.

Нас не убьют, нас просто не приветят,
Но в день, когда не станет нас на свете,

Среди всё той же пустоты и тьмы
Затемят оплывающие свечи,
Произнесут
 убийственные речи,
Как славно жили и творили мы...

* * *

Дни обступают уродливо
Кру́гом угрюмых примет,
И понимаешь отчетливо:
Выбора в будущем — нет.

Сколько еще до прощального
Часа-мгновенья уже,
До перелома обвального
На родовом рубеже?

Что бы ни выложил в сумме я,
Всё — одинаков ответ:
Есть ощущение, раздумия,
Только вот выбора нет.

Сопротивления веского
Не остается, увы,
Словно у снега апрельского
Или октябрьской листвы.

* * *

Обнаженной душевная боль,
С каждым годом и днем откровенней;
Всё обильнее жгучая соль
На царапинах жизни осенней.

И всё чаще ладонью глаза
Прикрываешь, как будто от света,
А слеза выступает, слеза —
Невеселая, в общем, примета.

Что скрывать этот знак от людей,
Ложной позой себя возвышая,
В первый путь провожая детей,
В путь последний друзей провожая.

Владимиру Полушину

Слову нужен простор,
только в нем и живет разговор, —

нам отмеренный вечностью срок;
Даст наполнить сердца

в деревеньке хотя бы простой?
Где является, что нам завещано было вчера,
И от строк наших звезды не могут уснуть до утра...

* * *

Теряют голоса поэты,
Пророки сникли в стороне,
На всё уже даны ответы,
И основательно вполне.

Какой еще предстанет идол,
Чтоб нас безумьем напитать?
Всё, что хотел, Учитель выдал,
И новых истин трудно ждать.

Он высоко скрижали поднял,
Чтоб каждый зрячий к ним приник,
Да снова ничего не понял
Неблагодарный ученик.

* * *

На Казанскую выпадет чистый снежок,
Это, видимо, знак неплохой,
Не пора ли еще сделать к Богу шажок
Осторожно, а после — другой.

Выхожу из январских столетий моих,
Из моих тупиковых эпох...
Удивителен мир — упоительно тих,
Каждый выдох означен и вдох.

Это утро — цветное, как свадебный зал,
Где возникло уже торжество.
Нет, не там я, наверное, Бога искал,
Оттого и не видел Его.

Я сегодня себя приоткрыл на миру,
Словно встал перед новой чертой.
Богомолки-старушки прошли поутру
И оставили след золотой.

И затеплился воздух вдоль тропки моей,
И по-детски, почти не дыша,
Под высокие своды родимых церквей
Умиленно восходит душа.

* * *

Я уже не вернусь в разнотравья мои луговые,
Под горячие ливни, сходящие с тучных небес,
Под летящие в землю грома и огни грозовые —
На кипящий ручей,
на темнеющий смешанный лес.

Это — детство,
с канавами, полными пенною влагой,
Лягушачьими плясками, гулом березовых крон
И какой-то особой,
несбыточной ныне, отвагой,
И восторгом, и волей, берущую сразу в полон.

Мы теряем по капле с рождения данное свыше —
И пронзительный свет,
и открытый впервые простор,
И сердца наши бьются с годами всё тише и тише,
И всё реже вступает с природой душа в разговор.

Ох как больно считать,
сознавать за потерей потерю,
Лишь во снах созерцая, чего не сыскать наяву.
Я уже не вернусь...
Нет, не верю, не верю, не верю,
Потому что, быть может, лишь этим еще и живу.

ОТКУДА ВЫШЛИ МЫ...

* * *

Еще пытаюсь уберечь
То, что нечаянно имею:
Родную даль, родную речь,
Семью
 да всё, что вместе с нею —
Крупичи радостных минут
И небогатый наш уют.

Еще усталою рукой
Пыль удаляю с толстых книжек,
Еще за Волгою-рекой,
Как пес, мои ладони лижет
Мой детский мир,
 мой дерзкий пир
Среди взлохмаченных задир.

Еще со мною луг да лес,
Пронизанный лучом рассвета,
И вера в чистоту небес,
И теплые тропинки лета,
И зимних
 неземных берез
Блеск, умиляющий до слез.

И берегу, и, как могу,
Я это к сердцу прижимаю,

Но, что предстанет на веку.
Всё явственнее понимаю.
Наступит час,
 когда уже
На то не хватит сил душе.

Но все-таки в прощальный миг,
В мое последнее причастье,
Скажу,
 что этот странный мир
Дарил мне и любовь, и счастье,
И пробуждение по весне,
И милый голос в тишине...

* * *

Провинция вяжет навечно
Простором и светом полей,
Одно только жаль — быстротечно
Течение жизни моей.

Тропинки далекого детства
Из прошлых деньков не вернуть,
А я не успел наглядеться —
Познать этот мир и вдохнуть.

Теперь вот по дворикам тихим,
По улицам старым брожу,
С каким-то блаженством великим
Часами у Волги сажу.

Дышу этой волей былинной,
Как влагу целебную, пью
Душистый настой тополиный,
Невечную вечность свою.

* * *

Ну где вы, небесные истины,
Глядите с какой высоты?..
Иконы мои не дописаны,
Иконные лики пусты.

Молитвы мои не досказаны,
Но все-таки свет в глубине,
Поскольку созвучья обязаны
Далекой-далекой весне.

Когда легконогая девочка
Чертила на камне мелком
И птичья звучала припевочка
В полдневном саду городском.

Стою возле храма печального,
Кленовую глажу листву...
Покуда живет изначальное,
Я тоже, наверно, живу.

Делю свой кусок со скитальцами,
Смотрю в отворенную высь
И оцепенелыми пальцами
Беру заскорузлую кисть.

* * *

Внимая означенным срокам,
Уже подводящим черту,
Пора возвращаться к истокам,
Где жизнь
сберегла чистоту.

Там росы грибные в подлеске
И в тайном извиве реки
Трепещут на тоненькой леске
Уклейки, плотва, окуньки.

И мама у дома смеется,
И рубит поленья отец,
И песня с пластиночки льется,
Касаясь мгновенно сердец.

По каменке гулко телега
Нехитрый везет урожай,
И всё-то здесь
для человека —
Живи, удивляйся, решай...

Пора возвращаться к истокам,
Иначе могу опоздать
По нынешним нашим дорогам,
Где можно легко заплутать.

[illegible]

* * *

Окраинный неповторимый свет,
Тобою был я с детских лет согрет, —
Той жизнью удивительно простою.
Дух дорогого мне житья-бытья,
Отсюда проросла строка моя,
Навеянная доброй красотою.

Но многое с годами отошло,
Асфальтовою пылью замело
Мои тропинки к истинам природным,
Пусть что-то всё же привилось вполне,
Но только часто неуютно мне,
Хоть и не стал ни черствым, ни холодным.

И ясно представляется порой,
Что снова под Кипячевской горой
Горстями землянику собираю,
От городских безумий вдалеке,
В задумчивом прибрежном ивняке,
На деревянной дудочке играю.

ДОШКОЛЬНЫЕ ГОДА

Забудутся едва ли
Дошкольные года,
Не очень выбирали
Одежку нам тогда.
И я, как все мальчишки,
Всё лето напролет
Носил одни штанишки,
Не ждал больших щедрот.
Зимой — в пальтишке драном
Да шапочке простой,
И никаких изъянов
Не видел в жизни той.
У валенок на пятках,
Истершихся давно,
Надежные заплатки
Чернели озорно.
Поры нелегкой бремя
Тащил и стар и млад, —
Такое было время
Из штопок и заплат.
Но, пусть нуждою било,
На грани школьных лет,
Как это нужно было,
Я всё же был одет.
Из довоенной юбки,
Как будто на заказ,

Мне сшила бабка брюки
По мерке, в самый раз.
Кусок бумажной ткани
Скроился в пиджачок,
И в школу утром ранним
Пошел ученичок.
...За бедными годами
Шли добрые года,
Но это время с нами
Осталось навсегда.
На сердце неизменно
След этих давних лет,
В котором неразрывно
Слились печаль и свет.
И бабушкины руки,
Усталые от дел,
И пиджачок, и брюки,
И первый школьный день.
Пусть детские дорожки
Засыпал вечный снег,
Но мне из той одежды
Не вырасти вовек.

* * *

Там, где чистый рассвет
 над туманом встает голубым,
Где и утро другое, и жизнь несравнимо другая,
Мальчик в школу идет
 с переполненным ранцем своим, —
Это я спозаранку в заволжскую школу шагаю.
То не странно, что вновь
 он явился ко мне сквозь печаль
Только странно другое,
 загадка совсем не простая:
Отчего же, чем дальше
 уходит он в школьную даль,
С каждым шагом всё больше
 в сознании моем вырастает?
Пустяком посчитать, если это совсем не пустяк?..
Прочно связано прошлое
 с жизнью моей и судьбою;
Вдруг однажды возьмет он
 и в памяти вырастет так,
Что меня настоящего вовсе закроет собою.
Я спешу,
 я стараюсь еще хоть чуть-чуть подрасти,
Тяжело вырываюсь
 из липких сегодняшних мает,
Только маленький мальчик
 всё так же идет впереди,

Устремленно и ясно своею дорогой ступает.
Мир, как школьные двери,
 пред ним нараспашку открыт,
И в лицо его
 радостью солнце рассветное брызжет,
От чего я отрекся, то вычеркнуть он не спешит,
То, что я навсегда потерял,
 он внезапно отыщет.

Он уверен во всем, и с дороги его не свернуть,
А дорога его словно первая радуга лета,
Забегаю вперед
 и пытаюсь в лицо заглянуть,
Он глядит сквозь меня,
 за высокую кромку рассвета.

* * *

...Я, дворянин с арбатского двора...
Когда его не станет — я умру...
Б. Окуджава

Ну кто я — до конца не осознать, —
В блокадном прошлом догорала мать,
В запойном настоящем тлел отец,
Так я взрастал — ребенок... и юнец.
В меня вошли, прошли через меня
Две тьмы и два мучительных огня,
Два горя, две щемящих жажды жить,
Мою судьбу пытаюсь разрешить.
И жизнь мне открывалась всё полней
На улочках окраины моей, —
Черемуховой, песенной, цветной,
Не столь благополучной, но родной.
Там в спорах раздували желваки
Заволжские лихие мужики,
А бабы торопились по делам:
Варить обед, стирать бельишко нам.
...Фронтовики, безногий инвалид,
Что не был по случайности убит,
Как многие на той большой войне,
И до сих пор понятной не вполне.
Я обретал себя среди этих лет,
Лохматый и худющий, как скелет.
Ну а потом пошел путем другим, —

Металлом пропитался заводским,
Колючей пылью строек и дорог,
Настойчиво тянувших за порог;
Бумагою, да водкой, да тоской
Неблагодарной жизни городской.
И самой горькой из моих утрат
Стал прежней веры искренней уклад.
Но так ли изменился я теперь,
Вобрав и боль, и скорбь земных потерь?
В моей душе по-прежнему живет
Окраинный, наивный мальчик тот,
Рожденный там, совсем в ином миру, —
Пока во мне он жив, я не умру.

Который открывается глазам.

Смиренно постигаю то,

что свято.

Царь всё равно достанет, если надо,

А к небесам

ступаешь только сам.

* * *

Может, легче бы время лихое душой перенес ты
И не столь глубоко рассекало морщинами лоб,
Но с эпохою вместе уходят ее знаменосцы,
Что дышали и жили эпохою этой вздохом.

Как мы верили им,
 грубоватым, хмельным и тверезым,
Их слова подымали
 не только с колен — с животов;
Волевым и упругим, высоким и русоволосым
Низко кланялись мы
 в откровении прежних годов.

Звон металла в строке
 или ветра протяжного звоны,
Сигареты в зубах и тугие узлы кулаков,
Перегоны стальные, летящие в полночь вагоны
Да магический отсвет в глазах дорогих мужиков.

Словно крышки гробов,
 переплеты в цветном коленкоре,
Нынче их имена и творенья уже далеко,
И, наверное, вспомнят о них,
 только вспомнят не вскоре,
И, склоняясь над строчками,
 будут вздыхать глубоко.

Наши выси темны,
 в наших верстах сплошные заносы,
Мы, возможно, привыкнем
 и встанем у новых икон,
Но с эпохою вместе уходят ее знаменосцы
И усталые губы отводят от чуждых знамен.

* * *

Горит, горит звезда моих полей.

Н.Рубцов

Всё чаще мысли грустные приходят —
Что вовсе не по тем плачу счетам,
Всё чаще дни погожие уводят
К заволжским далям —

травам и цветам.

Где, посреди поленниц и заборов,
Березок легких, тополей густых,
Душа с собой не затевает споров
И всяких размышлений непростых.
Где на рассвете — хочется в дорогу,
А на закате — просто помечтать,
Что вновь вернешься к отчему порогу,
Чтоб здесь в ином обличии предстать.
Здесь пройденное жизнь переиначит,
Здесь, над затишьем зреющих садов,
Звезда полей

в полночном небе плачет

По тусклым звездам серых городов.

ПРОЩАНИЕ

Вот и отмаялась мама,
В доме лежит не дыша.
Тихая —
 как телеграмма —
В небо вспорхнула душа.
Век ей достался печальный,
Век ей достался больной,
С горечью изначальной,
Выданной прошлой войной.
Бог не покинул в тревоге,
Но и блаженства не дал,
В маминой дальней дороге
Нынче большой перевал.
Больше ничто не свершится,
Весть беспросветно горька,
Душенька мамы кружится
Рядышком с телом пока.
Сяду к окну одиноко,
Полную рюмку налью.
Мама пока недалеко,
Мама еще не в раю.
Давит преддверие тризны.
Звездочка смотрит в окно.
Нету истока у жизни,
Устье осталось одно.
Время последней разлуки

Скорбно стоит впереди,
Мамины мертвые руки
Замерли на груди.
Мамины мертвые руки,
Мертвая мама моя...
Время последней разлуки —
Вечная боль бытия.
Ветер полуночный дышит,
Штору окна теребя,
Слышишь, родимая,
 слышишь,
Мы вспоминаем тебя.
Завтра с утра запогодит,
Да не развеет печаль, —
Мама тихонько уходит
В чистую вешнюю даль.
Где собираются в стайки
И пропадают вдали
Белые-белые чайки —
Души страдальцев земли.

ЗАВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Я врос в эту скудную почву родимых полей,
И здесь мне теплее,
хоть, может, порой тяжелей.
Я врос в эту почву руками и словом своим,
От жизни глубинки затерянной неотделим,
От этих тропинок, домишек, живых родников,
От сел исчезающих,
смятых судьбой мужиков,
От баб, что рожают всё меньше и меньше уже,
От горьких раздумий,
что боль оставляют в душе.
Но всё же и радости вдоволь —
в родных тополях,
В цветеньи ромашек на этих заволжских полях,
В картофельных куцах
и стройных рядах огурцов,
В трудах остающихся здесь матерей и отцов,
В ручье, что в разлив
не осилишь так запросто вброд,
В церквушке воскресшей,
где молится разный народ.
Я врос в эту скудную почву родимых полей
Последней надеждой
и вечною верой своей.

* * *

Извините меня, оправдайте, простите
И в негаданный час мне грехи отпустите,
Чтобы к небу взлетела душа.
Я довольно плутал по мирским закоулкам,
По дорогам проезжим и просекам гулким,
То пробегом, а то не спеша.

Может быть, я прощенья уже недостоин,
Но моя ли вина
 в том, что век беспокоен,
Слишком редки цветы на столе
И нечасто негромкое чистое слово, —
И густая испарина снова и снова
На моем выступает челе.

Ну простите хотя бы за то, что пред Богом
Я не лгал,
 не пытался каким-то предлогом
Изменить святоносную суть,
Что любил я детей золотых и лохматых,
Что всегда уходил от крутых, вороватых,
На жестокость готовых толкнуть.

Да, грешил, но по слабости
 или по силе
Тех бесовских причуд, что по жилам бродили,

А быть может, небесным огнем,
Чистым ветром, играющим прядкой витою,
Опьяненный и брошенный за красою,
Озаренною солнечным днем.

Ну а если прощенья всё же не будет,
Если Высший судья по закону осудит,
Никого я не прокляну.
Выйду в полдень прозрачный, прохладный,
печальный
И в порыве последнем, порыве прощальном
Этот воздух осенний вдохну.

Будут новые ливни и новые грозы,
И потомок восторженный, звонкоголосый,
Наделенный судьбою иной,
Примет вызов небес, к небесам повернется,
И душа моя в близкой душе содрогнется
Общей радостью, болью одной.

А чем согреть себя? — Ни водкою, ни волей,
Ни памятью уже, пожалуй, не смогу.
Я столько пережил застолий и подстолий,
Поминок по друзьям на этом берегу.

И вот оно пришло, болезненное откровенье
И понимание, чем сполна обязан вам,
И каждое мое последнее мгновение
Раскаянью теперь, наверное, отдам.

Над свежеею травой, над первой вешней почкой,
Перед свечой живой, дрожащей, как слеза...
И не землей уже иду, а вечной почвой
На эхо тишины, на ваши голоса.

СТАРЫЙ РЫБИНСК

Настоянная на веках,
Дурманящая, точно брага,
В купеческих особняках
Весенняя гуляет влага.
Там, на Стоялой, что была
Еще недавно Пролетарской,
Царит задумчивая мгла,
Как призрак той России —
царской.

Столетия пропитали сквозь
И камень, да и воздух тоже,
На вбитый в нашу память гвоздь
Строенье каланчи похоже.
Жаль, что снесен под корень сад,
Усадьбу выгрызла разруха,
Печален времени уклад,
Ничто не вечно,
кроме духа.

И я ступаю в тайный след,
Сокрытый в зарослях крапивы,
И ощущаю давних лет
И дальних звуков переливы —
Негаданную благодать,
В которой теплится радушно
То, что уже не разгадать,
Да и разгадывать не нужно.

Другую стала улица родная,
Совсем другою —
 маленькой, седой.
Стою, приметы детства вспоминая,
Отметки жизни благодатной той.

Ни тополей, ни каменки,
 что гулко
Телеги нагруженные несла,
Ни обжитого ребятней проулка,
Ни прежнего уюта и тепла.

Иные люди, да и тех немного —
Кто начинает,
 кто кончает век;
Но всё-таки ступаю одиноко
Туда, где время оборвало бег.

... И вдруг, внезапно,
 словно из-под спуда,
Из глубины тревожной лебеды,
Подобием негаданного чуда
Возникнут позабытые следы.

Замшелый пенёк, межник едва заметный,
Остатки сруба, сваленный забор —

Дух отдаленный, но такой заветный,
Такой же неизменный до сих пор.

И даже сумрак запустенья светел.
Шагну вперед...

Встречай, родимый дом...

И щеку мне июльский шалый ветер
Лизнет, как пес прохладным языком.

* * *

Полсотни разных трав, цветов не меньше,
А сколько птичьих звонов по кустам,
И это, в общем, недоразуменье —
Не знать по именам,
что́ здесь и там.

Хоть столько лет хожу по этим тропкам,
Но, словно книгу, лучшую из книг,
Я понимаю, даже самым робким,
Природный мир, пожалуй, не постиг.

И думаю с досадою теперь я,
Себя за леность прошлую казня, —
Не только в мастера,
и в подмастерья
Она, природа, не возьмет меня.

Но радует вечерняя истома,
Сирени запах... Пусть итог убог,
Так чудно даже на пороге дома
Осознавать, что за стеною — Бог.

* * *

Не стоит выносить утраты
На скорый суд,
Стихи ни в чем не виноваты,
Пускай живут.
Они пришли в минуты света
И чистоты,
И с них не требуем ответа
Ни я, ни ты.
А вот они,
 пожалуй, спросят
В пристрастный час:
Какие ветры миром носят
Сегодня нас?
Что наши откровенья значат —
Явь или бред?
И, может быть,
 о нас поплачут,
А может, нет.
И всё отчаянье утраты
Встает из тьмы.
Стихи ни в чем не виноваты —
Виновны мы.
В дни отступлений лицемерных,
Угрюмых ссор
Пусть прозвучит
 для двух неверных

Их приговор.
Но, может быть, в тот час недалний,
Что будет скуп,
Они, как поцелуй прощальный,
Коснутся губ.

* * *

И грешные паденья, и святые
Слова,
и взглядов тихое тепло —
Всё было, было...
Истины простые —
Любовь прошла. И время утекло.

Зачем же ты зовешь меня оттуда,
Из вечеров далеких и ночей,
То пламя посылая, то остуду...
Зачем?
Тот мир уже не наш — ничей.

Нелепы в этой жизни повторенья.
И для чего,
по надобе какой
Живое и бесценное творенье
Сторонней переписывать рукой?..

* * *

Быт привычный
 в привычной квартире,
Пополняемый список потерь...
Ту девчоночку,
 лучшую в мире,
Встречу и не узнаю теперь.

Взгляд коснется степенной особы,
И в толкучке неяркого дня
Дальше мимо пройду...
 Хорошо бы,
И она не узнала меня.

* * *

Костер вечерний, тихая вода,
И ранняя закатная звезда,
И рядом ты, и невесома даль,
И не коснется наших душ печаль.
А лес — восторжен и прозрачно-юн,
И впереди еще так много лун...

Когда-нибудь, к добру
 иль не к добру,
Но мы вернемся к этому костру
И через теплый, розоватый дым
На жизнь свою спокойно поглядим.

На мир, где было многое у нас,
Но был и этот заповедный час.
Где мы любили, слов не говоря,
Где нам светили
 ясная заря,
Костер вечерний, тихая вода
И ранняя закатная звезда.

* * *

Еще до Петровá поболе трех недель,
И каждая как жизнь — когда играет лето,
Когда в цветах свою судьбу находит шмель,
Разгульный, озорной, похожий на поэта.

Пусть отцвели уже калина и сирень,
Но в рост пошли густой клубника с огурцами,
И можно бы присесть на тот замшелый пень,
Что сохранил себя в тени под деревцами.

Но лучше — на траву, чтоб землю ощутить,
С годами тяга к ней всё явственней и чище,
И тихо созерцать, и молча погрузить
О том, что ты уже давно не юн, дружище.

Как хочется дожить, всё доброе любя,
Не отдавая злу ни дня и ни мгновенья...
Давай, приятель-шмель, порадуем себя,
А может, и других плодами вдохновенья.

Не будем усложнять, жизнь, в общем-то, проста,
Как в ручейке вода, — бежит, звенит, искрится...
Какая даль вокруг, какая высота, —
Ну разве страшно в них однажды раствориться?..

* * *

Высо́ко деревья над полем выросли...
Как сердце тобой дорожит,
Кусочек родной поминальной земли,
Где мама сегодня лежит!..

А рядышком с нею зарыли отца,
Укрыли в таинственной мгле,
И нету святому волненью конца
На этой печальной земле.

Осыпался дождик, по тропкам ручьи
Вдоль строгих могилок бегут,
И в кронах зеленых звенят воробьи,
Рождая особый уют.

Что́ здесь я способен уже изменить, —
Всё, в общем, пристойно и так,
Одно остается — цветы посадить,
Крапиву срубить да ивняк.

Всплывают мгновения, дни и года,
И влагой туманится взгляд.
...Всё легче и легче дорога сюда,
И всё тяжелее назад.

АВГУСТОВСКАЯ МЕЛОДИЯ

Протяни ледяную ладонь,
Протяни в ожиданьи ответа,
Я тебя поведу сквозь огонь
Проливного прощального лета.

Кто мы — близкие, дальние ли?
Кто мы — чуждые или родные?
Теплый дух предосенней земли
Нагоняет желанья шальные.

В этом нет, очевидно, вины,
Мы чисты перед раем и адом,
Но пройти сквозь огонь мы должны,
И пройти обязательно рядом.

Согреваются пальцы твои,
К моему прирастают запястью,
Не таи ничего, не таи
Перед этой возвышенной властью.

Мы ушли от жестоких погонь,
Наши спины тревога не студит,
Но дорога ведет сквозь огонь,
И пути обходного не будет.

* * *

Может быть, Вивальди, может быть, Шопена
Девочка выводит в ритме забытья...
До свиданья, скрипка метрополитена,
Слишком одинока музыка твоя.

Оттого что рядом — грохот электрички,
Оттого что мимо — толпы серых лиц,
И к сердцам прохожих не найти отмычки,
И сердца прохожих — тьма иных страниц.

Деловые некто, суетные, злые,
Рвущиеся к цели прямо и бегом,
Что́ для них, пустынных, звуки золотые,
Коль совсем другие царствуют кругом.

Музыка... Но, право, музыка ли это,
Может, просто шутка, глупая игра?
Выбегу на волю, в солнечное лето,
Господи, как чудно вдоль Тверской с утра...

И пойду спокойно раннею Москвою,
Отдавая волю сердцу и глазам,
Только вновь услышу — где-то под землею
Маленькая скрипка рвется к небесам.

В СЕНТЯБРЬСКОМ ПАРКЕ

Патриаршее царство аллей.
Благодать снизошедшего света.
Мне земля моя нынче милей,
Чем в горячем цветении лета.

В эту пору я — вовсе не я,
А живая частица природы,
Невесомая дрожь бытия,
Пронесенного мной через годы.

По сусальной звенящей листве
Ухожу в глубину отрешенья,
Отдавая себя синеве,
Отпускающей все прегрешенья.

...По листве, по земле, по судьбе,
Что ложбинку таинственно студит,
Не страшась, что предела тропе
И обратной дороги не будет.

* * *

Как подаренный мир,
Непонятный, но вещий,
Встречи крохотный миг
Над разлукою вечной.
Всё теперь позади,
Словно было не с нами,
Только что-то в груди
Затомит временами.
И внезапно вернет
Кропотливая память
Головы поворот,
Платья черное пламя,
И горячий испуг,
И немое «не надо»
Тонких скомканных рук
И болотного взгляда.
Этот ветреный день
Как вопрос без ответа,
Словно странная тень
От ушедшего света.

НА ВОЛЖСКОМ ОБРЫВЕ

Евгению Розову

Остается от прошлого след и отчетливый свет,
Что нередко для нас открывают овраги да реки:
В желто-красных обрывах покоятся тысячи лет,
Миллионы глядят,
приподняв пластовидные веки.

Здесь навечно слились и тепло золотое,
и кровь,
Что когда-то текла и на этой земле застывала.
Может быть, оттого нависает и хмурится бровь,
Травянистая бровь
над безмолвною толщей отвала.

Ну а если прислушаться,
может, пробьются к тебе
Голоса, отголоски да звоны копыт и металла,
Что напомнят о нашей сплошной,
беспросветной вражде,
От которой, наверно, и здешняя почва устала.

Мезозойская эра и ближние к нам времена —
Всё едино, и всё пониманья и чувства достойно;
Но какая заплачена миром ушедшим цена
За великое счастье прилечь на угоре спокойно!..

И влюбленно глядеть
на коловую нежность лугов,
На макушки далекого леса,
в родную безбрежность,
И вдыхать, и вбирать просветленную тайну веков
И от волжской волны
ветерка благодатного нежность.

* * *

Затоны моего родного городка,
Под арками домов с тенистыми дворами,
Еще хранят пока минувшие века,
Не выветрило их досужими ветрами.

Здесь бились в домино,
 скрипела смачно дверь
Подъезда, жили где Колюхи, Мани, Клавки...
Здесь некогда белье сушилось, а теперь
Какие-то ходы в коммерческие лавки.

Но память не ушла, век чуждый претерпя,
И видится вдали — какие были годы!..
К причалу подходя, канатами скрипя,
На Волге поутру гудели теплоходы.

И можно здесь побыть, полузакрыв глаза,
Блаженно постоять на солнечной Стоялой,
Чтоб охватил восторг и теплая слеза
Сбежала по щеке, хоть капелькою малой.

Иными предстают и берег, и река,
И многое в людском сменилось разговоре...
В затонах моего родного городка
Еще осталось то, чего не будет вскоре.

* * *

Какая гонка!.. Не пора ли всё же
Передохнуть, осмыслив прошлый путь?
Такие метки на душе и коже,
Что иногда охватывает жуть.

Не ободришь теперь себя горячим,
Что было так привычно много лет,
И сам я нынче стал не столь везучим,
И рядом дорогих собратьев нет.

А помыслы о подвигах и славе
Становятся наивнее, смешней.
...Хотел сменить коней на переправе,
Да оказалось — больше нет коней.

* * *

К тихому саду пустая дорога
Снова привычно меня привела,
Осень еще обещает немного
Милого сердцу земного тепла.

Но в глубине, за кустами сирени,
Всё ощутимее летний исход
И нависают крылатые тени
И заслоняют собой небосвод.

Осень! Великое царство прощанья
В робкой надежде на будущий срок,
Воспоминания — как завещанья
Всем и всего, что еще уберег.

Вспомнишь... И станет немного светлее,
И в одиночестве чутком своем
Долго стоишь в затаенной аллее,
Там, где когда-то бродили вдвоем.

УТРАТА

В краю, где заборы как скрипки звучали,
Где небо столетние сосны качали,
Где наполнила осень добром огороды,
Я вырос под оком родимой природы.

И жить, очевидно, здесь мог бы и дальше,
И меньше бы выпало на душу фальши,
Но домик наш ветром насквозь продувало,
А время удобным жильем зазывало.

...Я грустно стою над канавой заросшей,
В какой-то сплошной пустоте нехорошей.
Нет улицы, дома, мостка, огорода,
И холодно смотрит в лицо мне природа.

Утратил я Богом дарённую почву,
Порвал я свою родовую цепочку
И слышу, как ветер, что век продувает,
В пещере моей городской завывает.

* * *

Октябрь на свет не поскупился,
Он теплых дней не пожалел,
И я со всех тропинок сбился —
И бездорожьем заболел.

Брожу звенящею листвою
И желтым лугом вдоль ручья,
И над моею головою
Кружат все мысли бытия.

Пора пронзительных раздумий,
Продлись еще на день, на миг,
Безумий и благоразумий
И подлинных открытий в них.

За все тревоги нынче осень
Сполна одарит наперед
Среди прямых заволжских сосен,
Идущих через вечность вброд.

Тревожит лишь одно,
и часто слишком сильно, —
Останутся ли впредь родные уголки
И новый век, сюда ломясь любвеобильно,
Не вытопчет ли все травинки-стебельки?

Но только у меня ему отнять всё это
Не суждено уже, как воздух и листву,
Как свет и тишину,
 как то святое лето,
В котором я рожден и до сих пор живу.

* * *

Божья коровка,
Улети на небко...

Детская присказка

С трав огородных домой принесенная,
В каменном городе чуду под стать,
Божья коровка,
букашка спасенная,
Всё не хотела никак улетать.

Капелька красная в крапинку черную
Ползала медленно по рукаву,
Жизнь, очерствением отягощенную,
Разом приблизила вдруг к естеству.

Слушать мое наставление долгое
И принимать
не желала она,
Было в ней что-то божественно-доброе,
Что возвращало в былое сполна.

В детство далекое, время отрадное,
К воле не здешней, счастливой, родной...
Как же хотелось мне крикнуть обратное:
«Божья коровка, останься со мной...»

* * *

Что надо еще для поэта, что надо?..
Последний, прощальный огонь листопада,
Последний, сиротский цветок у забора
Да влажная тропка с родного угора...

Всё нынче под горку — к завещанной кромке —
На русском просторе, в родимой сторонке,
Где сосны, березки, домишки простые
И эти погожие дни золотые.

Такая случается милость природы,
Когда опустели уже огороды,
В округе умолкли кузнечиков звоны,
Лишь кличут гортанно кого-то вороны.

Но много ли русскому надо поэту,
Влюбленному в нежность щемящую эту,
В раздумьях о вечном и сиюминутном,
В уюте, кому-то совсем неуютном;

Во времени, данном всегда не случайно,
Где всё так обычно и необычайно.
...Тропинка, цветок и огонь листопада, —
Что надо еще для поэта, что надо?..

ОЖИДАНИЕ

Ночи, дни... Дорожной пробой
Меченные, — горячи.
А друзья-то где? — Потопай
По России, поищи.
По вокзалам, по пивнушкам,
По Бульварному кольцу,
По негаданным подушкам,
Не склоняющим к венцу.
Ночи, дни... Прощай, веселье.
Жизнь работою крепка.
А друзья-то где? — За трелью
Телефонного звонка.
По делам, не слишком сладким,
Но и тягостным не столь,
Под размеренным порядком,
Что принять и ты изволь.
Ночи, дни... Скупые встречи
И обильные слова.
Всё теперь уже далече,
Тяжелеет голова.
Огорчительные вести
С ожиданием иных.
А друзья-то где? — При месте,
В тихих холмиках земных.

Да и память ли только хранится, пылится года
На балконе у нас
 в непонятном для прочих порядке?
Это — жизнь, наша жизнь,
 перед тем как уйти навсегда,
Задержаться пытается тщетно
 на узкой площадке.

* * *

Хочу за Волгу, за ручей Крутец,
Где были живы мама и отец,
Да и сегодня всё как наяву,
Когда ступаю мягко на траву.

Где слышатся ребячьи голоса,
И солнышком полны мои глаза,
И лето челку выбелило мне,
И мысли все о близких да родне.

Где палисад под окнами — в цвету,
И лай собачий слышен за версту,
И в ручейке резвятся пескари,
И вечность — от зари и до зари.

Пускай поныне это лишь во мне,
Да слишком прочно, в самой глубине:
Земля живая, и родимый дом,
И бабка с дедом на крыльце рядком.

И ни над чем не властно забытье,
И всё вокруг до крайних лет — мое.
И набежавший с юга ветерок
Мне тихо шепчет: «Это ты, сынок?!»

В ТУПИКЕ

Дорожные темы уходят уже:
Дымки тепловозные на вираже,
Пейзажи сквозь мутные стекла окón,
Плывущий враскачку тяжелый вагон.

Всё реже судьба загоняет меня
Туда, где купейная дремлет родня,
Жует бутерброды и тянет пиво,
Болтая о жизни окрестной легко.

А станций завещанных попросту нет.
Дорожное прошлое — сон или бред?
И что приключилось — никак не пойму,
Нет нынче исхода пути моему.

Маршрут непонятен, оборван в глуши.
И где оно здесь, упоенье души?
...Лишь дальнее эхо в сплошной пустоте
Да ржавые рельсы в осенней воде.

Чтоб в той ли, этой стороне
Она для жизни открывалась;
И, хоть не слишком часто,
мне
Такая шалость удавалась.

* * *

Не вяжутся мысли осенние,
Не сводятся звуки в мотив...
Кого пригласить в собеседники,
Бутылочку впрок прихватив?
Пока это дело —

возможное:

Стаканчики, стол, разговор...
И наше братанье несложное
Не выльется в сумрачный спор.
Но скоро, быть может, подобного
Не будет.

Откажется тот,
Другой — с пожеланием доброго —
Подумает... и не придет.
И сам ты, копаясь в сомнениях,
Вдруг встретишься вовсе не с тем,
Впервые на собственных мнениях
Дойдете до склочных проблем.
Попробуешь вновь

с безотчетностью

Былое поднять из руин.
...Но с горечью и обреченностью
Откроешь бутылку один.

НА ВОЛЖСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Борису Орлову

Волга в морозном тумане,
Грустных берез бахрома,
Явственны, как на экране,
Полужилые дома.
Чем обогреться — не знаю,
Может быть, рюмкой в «Ерше»?
Стылому полдню внимаю,
Холоду, что на душе.
Но у речной переправы
Многое вспомнится вдруг:
Милого детства забавы,
Скрип лошадиных подпруг,
Быстрых снежков перелеты,
Алые щеки дружков,
Давние, чудные годы
Возле родных берегов.
Около тихого храма
Встану, замру не дыша, —
Жизни моей панорама
Все-таки хороша.
Мало ли что леденило,
Но согревало всегда
То, что с землею роднило
И не прошло без следа.
Вот и сейчас, переполнен

Памятью, в искристом дне,
Словно до неба приподнят, —
Столькое видится мне.
Чистая снежная пена,
Легкая даль предо мной,
Вечность небесного плена,
Миг этой жизни земной,
Преодолевающий в споре
Всё, что сбылось не вполне.
Слышишь, запели в соборе?
Ангел вздохнул в вышине...

* * *

Анатолию Грешневикову

Судьба моя — российские задворки,
Проулки, закоулки, тупики,
Скупого детства золотые корки
Да юности соленые куски.
Вагоны — вековые общежитья,
Пролетных станций ветер да огни,
Где, в общем,
 ничего не мог решить я,
Оторванный от дома и родни.
Сухая пыль столичного простора,
Сырая даль безвестных деревень,
Всё, что сотрется в памяти не скоро, —
И свет, и обступающая тень.
Друзья мои — запойные повесы,
Служители стакана и пера,
Возвышенные наши интересы,
Великие собранья до утра.
Судьба моя,
 земля моя — Россия,
По указанию Божьего перста
Во мне твои бессилие и сила,
И нищета твоя, и высота...
Всё, что правдиво, непонятно, ложно,
Что к небесам тянуло и ко дну.

...На камушке присяду придорожном
И жизнь свою тихонько вспомяну.
От истины пристрастной
взгляд не пряча,
Признав и заблужденья, и вину,
О ней, быть может,
чутьочку поплачу,
Но никогда ее не прокляну.

* * *

Посыл родства уже почти угас,
И прошлое для будущего — бремя,
Не развело с родителями нас,
Но разведет с детьми лихое время.

Куда они, куда — нам не понять,
А им, пожалуй, не до разъяснений,
И не на что, и некому пенять,
И нет единых мнений и волнений.

Но, пусть гнетет вседневный непокой
И хочется остановить мгновенье,
Я все-таки слабеющей рукой
Вослед им шлю свое благословенье.

* * *

Жизнь моя так отчетливо разделена —
Свет и тьма,
 просветление и мрак,
Всё почти я, наверно, изведаль сполна —
От молитв до раздоров и драк.

И уже никогда не сойдутся в одно
Половинки мои, никогда;
Нынче трезвость,
 а завтра — стаканное дно,
То ли праздник, а то ли беда.

Ничего не изменится в жизни моей,
И, когда прозвучит приговор,
Отпоют меня
 грустные ветры полей
И веселых кузнечиков хор.

* * *

Вокзальный гул. Перрон.

Прощание в толпе.

А впереди лежат неведомые версты...

Сходиллся целый мир до столика в купе,
До тамбура в ночи, куда смотрели звезды.
Что это было, что?..

Поймешь ли до конца?

И стоит ли теперь отыскивать разгадку?

Горящие глаза. Открытые сердца.

Попутчики мои, несклонные к порядку.
Возвышенный сумбур.

Восторженный порыв.

На станциях больших выходим из вагона.
Бутылочку пивка прохладного открыв,
Стоим и ждем гудка у краешка перрона.
То молодость была, и праздник, и любовь,
И жажда всё открыть,

и главному поверить, —

Что эта красота и проливная новь
Позволят нам себя еще не раз измерить.
Купейные деньки. Дорожные года.
Столица и Сибирь,

и Крым, и Забайкалье

Останутся со мной, пожалуй, навсегда
Как явь

и никогда не канут в зазеркалье;

Поскольку этим я и до сих пор живу,
Уже в иные дни,

порою предзакатной.

Припомню — и опять плыву, плыву, плыву
В распахнутую даль

на полочке плацкартной.

* * *

Ты держи меня, жизнь, ты упрямо цепляйся
За игриво-шаловное звучание вальса,
За великую музыку звездной Вселенной,
В этом вечном небесном звучании — нетленной.
На исходе, наверно, лишь то и спасает,
Что исконная вера тебя не бросает,
Что хранишь ты в себе эту вольную веру
Даже в самую горькую, темную эру.
Жизнь моя, ты держись, не сдавайся унынию,
Даже если тропа зарастает полынью,
За родимую, неповторимую землю,
Ту, которую каждой строкою объемлю;
За иконку дарённую, крестик нательный,
Что всегда сберегали в дали беспредельной;
За пронзительный свет на приволжской полоске,
За последний листок на осенней березке.

Всё разреженной воздух,
 которым я нынче дышу, —
Ближе к небу шагнул или в землю уже ухожу?..
Стоит разницу здесь поискать
 иль принять за одно —
Это, в общем, не главное,
 коли судьбой решено.

[illegible]

Остается еще невесомая горстка годков,
А возможно, и дней,
 в захолустье родных городков,
За стаканчиком звонким,
 за русскою песней родной,
Над зачитанным томиком,
 в чудной природе цветной.

Что душой унывать и мрачить понапрасну
лицом,

Если всё мне досталось — от Бога
и мамы с отцом.

Пусть разреженной воздух,
но то, что отпущено мне,
Берегу, как святыню, в пришедшем
нерадостном дне.

На шестом этаже, между небом и милой землей,
Доживаю свой век, переменен то добрый,
то злой,
И зазря не потрачу в ненастной осенней дали
Даже миг, даже вдох, —
словно милость небес и земли.

ВСЁ БУДЕТ В СРОК

Ни строчки, ни буквы, ни робкого звука,
Напрасна веков отошедших наука,
Оттиснутый временем свод.

Не голос решает, и даже не слово.
Войди в эту истину снова и снова,
Попробуй познать наперед.
Звенит Аполлон поднебесной струною,
Холодное время стоит за спиною
И спину дыханием жжет.

* * *

А удача, она прихотлива,
Ей служить ты обязан сполна
Не за кружкою темного пива,
Не за светлою рюмкой вина.
Непонятна и непостоянна,
Словно женщина до тридцати,
Словно строчка летучего ямба,
Как монетка в дрожащей горсти.
Что в ней кроется, что в ней таится —
Черном ящике белого дня —
И во что она вдруг воплотится,
Проникая по капле в меня?
Нет, удача не теплая дача,
Не навар, не любовный угар,
В ней небесная скрыта задача,
Где тождественны холод и жар.
В ней рогатки, извилины, петли
Уходящих в безвестье годов...
Час удачи моей, чуть помедли,
Не спеши, я к тебе не готов,
Погоди с венценосным итогом,
С приговором своим потерпи,
Чтобы меру, даренную Богом,
Донести, не разлив по пути.

* * *

Вновь январская полночь на землю спустилась
устало,
Но великое таинство нынче развеяло стынь,
Сколько света сейчас Рождество по церквам
расплескало,
Сколько тьмы затаилось
вокруг православных святынь.

Столкновение это всё четче и всё неизбежней
В мире нашем, похожем на ржавый,
заброшенный пруд,
А спасения нет, оттого на душе безнадежней.
Не убий... Не кради... Только вот убивают, крадут.

Рассияй, Рождество, засвети негасимые звезды,
Дай дыхания сердцу и успокоенья душе,
Я-то знаю, наступят когда-то блаженные вёсны,
Только в этой ли жизни,
быть может, не в этой уже.

Но простого ответа не жди — мироздание немо:
Знать, покуда не вызрело время для вести иной.
Как заблудший в пустыне,
смотрю в отворенное небо,
По мерцанию небесному путь открывая земной.

* * *

Смысл жизненный всё очевиднее,
Да всё недостижимей он,
И оттого втройне обиднее, —
Живешь,
 как будто видишь сон.

Поскольку то, что вытворяется
Вокруг тебя,
 в тебе самом,
Такою меркой поверяется —
Непостижимою умом.

Всё обозначено, рассказано, —
Где благоденство, где беда, —
И направление указано,
Но кажется, что — в никуда.

Бредешь до «пункта назначения» —
Шагнешь, присядешь,
 вновь шагнешь...
Нет и не будет облегчения —
В тени Креста не отдохнешь.

* * *

Белый свет, черный свет —
нет в природе таких разделений,
И ни белого света,
ни черного попросту нет,
Но у жизни с природой
в избытке различных явлений,
Не всегда между ними согласие,
мир да совет.

Белый свет, черный свет
существуют доподлинно в жизни,
Никуда не уйти,
ни отбросить и ни зачеркнуть;
И соседствуют в мире
рождения чьи-то и тризны,
И светлеет один,
а другой омрачается путь.

Верю в солнечный день,
невозможно без веры заветной,
Но суровую твердость
держу за душой про запас.
Белый свет мой,
всегда оставайся, пожалуйста, светлым;
Черный свет,
мы поспорим с тобою еще, и не раз.

И какие меня ожидают земные пределы,
Где тепло отыщу,
 где придется мучительно стыть?..
Только надо опять в черный свет выходить,
 словно в белый,
И у сердца согреть,
 и собою его осветить.

* * *

Всё просто, как январский снег,
Всё просто, как сентябрьский дождик, —
Чего ж ты бьешься, человек,
В пределах дьявольских и Божьих?

А нұжны-то без куража
Всего лишь два доступных блага:
Для жизни — чистая душа,
Для смерти — чистая рубаха.

* * *

Людское в нас неистребимо.
А может, все-таки не так?
Что было некогда любимо,
Сегодня для иных — пустяк.

Восторженное умиление,
Стремление к высшей чистоте
Сменило хищное глумление,
Мазня на жизненном холсте.

Природой данное искусство
Ушло, и негде силы взять, —
И для чего шестое чувство,
Когда утратил первых пять?

* * *

Не нужен проводник отсюда и туда, —
Ты в двух родных мирах живешь попеременно;
Подземная вода, надземная звезда
С тобою и в тебе пребудут неизменно.

Не нужен проводник, ты сам себе Харон,
Сам плату отдаешь и весла поднимаешь,
Ты слышишь этот звон из будущих времен,
Ты сам себе звонарь, хоть многого не знаешь.

Ты создан сам собой, — ступая сквозь года,
Всё воплотил в себе, от рая и до ада.
Не нужен проводник отсюда и туда,
Оттуда и сюда проводников не надо.

ЗАТМЕНИЕ

Восемь дней снегопад

по зеленому пастбищу мая,

И подобная новь не похожа совсем на весну,
Вот и я, беспокойно погодному бунту внимая,
Ощущаю неясную в чем-то, но все же вину.

И листву опалило, и травы пожгло вдоль дороги,
Отчего и кому это надобно, — трудно сказать.
По холодному полю тащу,

точно проклятый, ноги,

Странный хаос пытаюсь осмыслить

и с чем-то связать.

Обозначено прошлое, в меру открыто и ясно,
Да в грядущем туман,

где не слышится Божия весть.

Снова небо с землею в устоях своих не согласно,
И для этого повод и тысячи поводов есть.

Так спасибо, ольховая падь,
Что дала хоть на время понять

Пустоту суеты настоящей.
...Оглянусь, выходя на просвет,
И увижу, как смотрит мне вслед
Лист дрожащий
на ветке дрожащей.

* * *

Игра... Игра... До края, до исхода,
Который сам Господь предначертал.
Но у судьбы крапленая колода,
Я это не однажды испытал.
А на кону и жизнь сама,
и совесть,
А часто — вовсе непонятно что,
И тянешь ты свое,
с удачей ссорясь,
Единый шанс используя на то.
Любовный крап, и денежный,
и прочих
В руках,
но вот чутья такого нет,
Чтоб ты, до банка полного охочий,
Сумел его сорвать на склоне лет.
Судьба... Судьба...
Пред ней всегда тревожно,
Хотя она бесстрастна до поры,
Да невозможно выиграть,
невозможно,
И права нету выйти из игры.

* * *

Зачем искать дороги лучшей,
Напрасно рваться и метаться?..
Остановись, замри, послушай,
Как травы по весне роятся.

Как музыкальное творенье
С восторженным названьем «птица»
Роняет утреннее пенье
В стремленьи красоте молиться.

Согрейся в таинстве окрестном,
Присев у дома на ступеньке.
В столице можно быть проездом,
Но не в родимой деревеньке.

* * *

Вспоминаю, что было, что прошлая даль
открывала,
Раздвигая, казалось бы, непроходимый туман...
Потихоньку судьба жизнь мою,
словно птица, клевала —
Разноцветную горку таких непохожих семян.

Поначалу жалеть их не виделось веской причины,
Щедро век сыпанул,
и отмерил Всевышний сполна,
Все порывы питались от этой заветной вершины,
И не слишком заметно до срока мельчала она.

Но в какие-то годы, когда закрутило
пространство, —
То любовь, то работа, а то и греховная страсть, —
Я забылся на время,
впадая, как в дикое пьянство,
В оголтелую вольность, ее беспредельную власть.

А судьба не дремала, ее не касалась усталость.
Вдруг очнулся, как будто внезапно меня обожгло,
И хочу заглянуть,
что еще там на завтра осталось, —
Только горстку заветную плотно прикрыло крыло.

* * *

По-разному талант отмерил Бог,
Тому — сполна, другому — осторожно,
Но, что важней — процесс или итог,
Сказать едва ли однозначно можно.

Цветенье розы, бабочки полет,
Течение ручья и звоны птичьи —
Всё это перед нами предстает
В неоценимом жизненном обличьи.

И я не сочинял, а просто жил
Строкою, словом, звуком и дыханьем
И, что за полстолетья совершил,
Не выверял тщеславным содроганьем.

Я счастлив был таинственной игрой,
Она дарила празднество хмельное,
И ветерок из Болдина порой
В мое окошко залетал ночное.

* * *

В любой эпохе — лишь осколок,
Зажатый вечностью в руке,
Ну что ты рыщешь, археолог,
В камнях, суглинке и песке?

От мамонтового скелета
До черепов недавних лет —
Одно мгновенье тьмы и света,
И не понять, в чем тьма и свет.

Ну почему такое рвенье
Тебя ведет, копатель мой?
Едва ли просто вдохновенье,
Скорее промысел прямой.

Не странно ли на каждой вехе,
И торжествуя, и скорбя,
И в давнем, и недавнем веке —
Опять откапывать себя?..

Убьет не боль, нет, не она,
Убьет вселенская вина
За то,
 что стало с человеком,
И ты спасения не жди,
Поскольку всё, что позади,
Сопряжено с жестоким веком.

* * *

Воспета шашками и перьями
Своих вояк, своих поэтов,
О Православная Империя,
Земля возвышенных заветов.

По-разному любя и ратуя,
Тебя вели в цветные были
Великие твои оратаи,
Оракулы твои слепые.

И мысли сеяли непраздные,
В стремлениях разновелики,
Твои святители прекрасные,
Пристрастные твои владыки.

По-своему твой путь предвидели,
Свой выбор делая и строя,
Холодные твои губители
И огнеликие герои.

Тебя творили да иначили
От пагубы до благоденства,
И с двух сторон твой век означили
Два окровавленных младенца.

* * *

Всё выстрадано миром, пережито,
Всё принято, что можно и нельзя,
Предсказано, исчерпано, избыто,
И не одна зачеркнута стезя.

А бездорожье не сулит прозренья,
Спасения безверье не дает,
Сменяются явления, поколенья,
Ступая то на пламя, то на лед.

И двери заколочены, и ставни,
Грядущего не осязает взгляд...
Видать, настало время слушать камни,
Которые вот-вот заговорят.

* * *

Сижу на тоненькой меже,
И к сердцу подступает холод,
Как будто надвое уже
Мир этот молнией расколот.

Былое плещет позади,
Зовет игрою тьмы и света,
А впереди...
 Что впереди?..
Возможности провидеть нету.

Куда бессильному брести,
Что делать мне с самим собою?
И крыша может не спасти,
Коль Неба нет над головою.

* * *

Не подвержена разному торгу,
Что вокруг буйным цветом цветет,
Жизнь то в горку вела, то под горку,
И сегодня всё так же ведет.

Ощущение — многим знакомо
И является каждому в срок;
Что задумано было, искомом —
На изгорбинах этих дорог.

Там — шальная любовь на вершине,
Тут, в низинке, — покой да печаль,
В этом неравномерном режиме
Открывается каждая даль.

Вот опять ты готов отыгаться
За утраты проваленных дней,
Да труднее с годами взбираться.
...Но и с горки уже — всё трудней.

Как пронзительно хочется вновь к золотому
простору,
Где не место разброду, разору и прочему сору,
Где стремительно чайки секут голубую стихию,
Где уже не Россия, но так понимаешь Россию.

Где волошинский профиль и Божья
высокая воля,
Где недоля твоя точно самая лучшая доля,
Где звенят под ногою почти драгоценные камни
И спадают на душу отчетливой вечности капли.

А над морем тот холм,
та последняя точка земная,
Где стоишь, этот мир понимая и не понимая,
Где тебе открывается то, что еще не воспето,
Где *крестом* обозначено дело и место поэта.

* * *

Мыслится тревожно и сурово,
Точно зноем иссушило рот, —
Неужели умирает слово
Как предмет божественных высот?

Эти междометия, глаголы,
Откровенья, что несет язык,
Стали вдруг бездейственны и голы,
Безразлично — шепот или крик.

Пробуждение душеньки, забитой
Серыми камнями словес,
Может быть — лишь в музыке,
открытой
Тайному касанию небес.

Видно, это Божье наказание,
Людам непонятное пока,
И пора искать иносказанье,
Что разбудит новые века.

«Где ты, зов восторженный
и вольный?!» —
Вопрошаю бездну высоты
И к тяжелой меди колокольной
Подымаю сжатые персты.

ОСЕННЯЯ МУЗЫКА

Галине Грешневиковой

Снова сутки прошли, жизнь грядущая
стала короче,
Ну какие на полудремоте продолжишь дела?
Только музыка вдруг осветила меня среди ночи,
По какой-то причине забыться во тьме не дала.

Может, осень качнула, как лодку,
промокшую землю,
С фонарями да глыбами серых угластых домов,
И уже не до сна,
и звучанию Вышнему внемлю —
Откровенью для душ
и смягчению для строгих умов.

Есть у осени право ломать, словно ветки,
 привычки,
 И в клочки разрывать облюбленный вами уют,
 И людей зазывать,
 загонять по утрам в электрички,
 И вершить самосуд,
 как единственно праведный суд.

Только музыка вечная всё разрешит непременно,
Безысходная странница,
Божью обретшая власть.

Ты ее не спугни, без нее всё ничтожно и тленно,
К ней молитвенно можешь припасть
и пред нею упасть.

От своей не избытой за долгие годы гордыни
И сокрытой,
закрытой для близкого сердца любви...
Плачут скрипки в ночи, темноте,
обступающей стыни,
Но за каждою нотой мне слышится ясно — живи!

* * *

Студеного ветра тяжелый полет,
Со свистом, подобно копыю...
Тревожное время сегодня грядет
И власть установит свою.

Багряны закаты и кроны рябин,
Суха и бессильна трава,
Сегодня уже никаких средин,
Единоохватны права.

Что завтра откроется в яви и снах,
Отмерил заведомо Бог.
Природа являет в своих временах
Все вечные драмы эпох.

От прошлого не оставляя следа,
Ни мысли о прежнем тепле,
Опавшей листвы золотая орда
Летит по горящей земле.

Простите, предки и потомки,
За то, что бросили постромки —
И точно под гору с моста.

Прости, родимая природа,
Дегенерата и уроды,
Когда-то сына твоего.
Прости,
 коль есть еще надежда,
Что образумится невежда
И возродит свое родство.

Угрюмы лица, безответны,
Страницы века беспросветны —
Подобие холодных бездн.
Завален мир житейским хламом,
И крест печальный по-над храмом
Всё не достанет до небес.

* * *

Когда уходит женщина,
Уходит не она,
А то, что с нею связано,
Уходит навсегда, —
И выстывает медленно
Вся жизнь твоя до дна,
Во льдинки превращаются
Мгновенья и года.

Бодришься иль пытаешься
Согреться второпях,
Поспешно оневеститься,
Дружками обрасти,
А всё не получается,
И подступает страх:
Неужто душу грешную
Взаправду не спасти?

И, волею замученный,
Замотанный совсем,
Ты к ней стучишься за полночь,
Да на запоре дверь,
И до утра до самого
Сидишь у темных стен,
Глядишь на звезды колкие,
Как одичалый зверь.

Колотишься тоской своей
О каменный порог,
И мысли разбегаются,
Как по воде круги,
И в память возвращается
Всё, что не уберег.
Что в пустоте и праздности
Считал за пустяки.

Не будет в жизни скомканной
Больней ночей и дней,
Не будет безысходнее
Прозрения в судьбе.
Когда уходит женщина,
Ты плачешь не по ней.
Когда уходит женщина,
Ты плачешь по себе.

* * *

В странной сущности своей
Эта жизнь как длинный поезд,
Здесь хоть пой себе, хоть пей,
Затыкай судьбу за пояс
И гляди в свое окно,
В обозначенные дали,
Где то ясно, то темно, —
Огонек во тьме, звезда ли?..
Заводи подруг-друзей
Или залезай на полку,
В книгу толстую глазей,
От которой мало толку.
Расписание смотри, —
Где какие остановки, —
Благо, ты еще внутри
Этой строгой упаковки.
Только не давай себе
С обществом срастись угодным.
...Это нынче ты — в купе,
Завтра — в тамбуре холодном.

ВЕЛИКИЕ

Всё в них дышит, звучит, предрекает,
Всё выходит за принятый ряд;
Если строки на миг замолкают,
Междустрочья с тобой говорят.

Всё отмечено высшею пробой,
Всё имеет свой точный язык,
Вроде мелочь,
 но выбрось попробуй —
И разрушится мир через миг.

И паришь в ожиданье суровом
Возрождения или конца,
И за каждым исторгнутым словом —
Обнаженная сущность лица.

Неразгаданное постоянство
Недоступных для смертных высот...
Вроде всё позади,
 но пространство
За промчавшейся жизнью поет.

* * *

Убийством ставшая дуэль,
Часы придушенных страданий —
Всё отошло.

И вот в метель
Уносят гроб простые сани.

Ни громких проводов, ни слов
Любви, прощения и боли,
Лишь тени верстовых столбов
На стылом, омертвелом поле.

Не столь дорога далека
До усыпальницы родимой,
Теперь она уже легка
Под мутным небом,
снежным дымом.

Всё наперед предreshено,
И жизнь начнется после жизни,
Но как пустынно и темно,
Но как же холодно в Отчизне.

Придет пора земле цвести,
Природа зиму скоротает,
Но этот холод на Руси
Еще столетья не оттаит.

Имеющий глаза и уши
Однажды всё же постигал,
Что Гоголь
 не чужие «души» —
Свою, печальную, сжигал.
Узрев невидимого Бога
За гранью белого листа,
Он чувствовал —

миг паденья в пламя,
Где больше не нужны слова,

Над всеми грешными углами,
Еще мучительно жива,
Она вошла,
 чтобы восславить
Всё, в чем единственная суть,
Всё, что немисливо исправить
И невозможно зачеркнуть.

* * *

Извечные высоты человека
Смели, как пыль, пролетные ветра,
Для нового «серебряного века»
Не отыскать былого серебра.

Искусство слова, шедшее от Бога,
Безбожие слизнуло, словно пес,
И переписку Белого и Блока
Бессмысленно сейчас читать всерьез.

Серебряное грезится неважно —
Ни яркости, ни прошлой глубины...
И золото уже сполна продажно,
А золотому веку — нет цены.

* * *

Здравствуй, Отечество, то есть живи,
Русское братство мое,
Ты возросло, словно храм на крови,
Преодолев забытье.

Ты восходило под маршевый гром
И под рыдание вдов,
И не тебя ли
 гусиным пером
Лучший писал из сынов.

Ты проносилось в балах вихревых
Средь величавых колонн,
На золотых эполетах твоих
Пальчики юных мадонн.

Вёсны влюблённы, а лета легки,
Осень восторженна, и
Обворожительны, глубоки
Звездные зимы твои.

Надо покаяться,
 чтобы светлей
Стали земные пути,
Только небесной дорогой твоей
Многим уже не пройти.

Может, заветный приблизился час,
Звоны плывут по волнам...
Да непонятно пока что —
для нас
Или уже... и по нам?

ПРЫЖОК

Всё ближе время завершать
Полет из вечного пространства
Назад,
 где будут строго ждать
Жрецы и слуги постоянства.

Понятна им чудная блажь
Души —
 субстанции летучей,
Ее нечаянный кураж,
Лишь раз использованный случай.

Она вернется точно в срок
На зов заоблачной Отчизны
С поправкою на ветерок
Земной,
 такой недолгой жизни.

* * *

Среди убежденных и бодрых,
Постигших законы систем,
Ну что ты, стареющий отрок,
Всё мечешься, бьешься...

Зачем?

Тебе ли не знать аксиому,
Что короток век на земле, —
Отдайся покою и дому,
Погрейся в недолгом тепле.

Но странное свойство пиита —
Прозренье ловить слепотой,
Бежать от спокойного быта
К ограде над стылой водой...

Не думать о будущей тризне,
Но видеть сквозь вечный укор
Тот,
 между судьбою и жизнью,
Сужающийся зазор.

* * *

Валерию Латынину

Скоро заведомым холодом дунет,
Ветром тяжелым ударит с реки,
Осень — пора для глубоких раздумий,
Только без дрожи, надрыва, тоски...

Кончилось лето, цветение года,
Час увяданию и забытью.
Как осторожно вступает природа
В первоосеннюю пору свою.

Время такое пришло не впервые
И не в последний, наверное, раз,
Будут еще небеса голубые
И соловьиные ночи для нас.

Будут загулы с лихими друзьями,
Что не сломили своей головы,
И разговоры парными ночами
В дачном поселке поодаль Москвы.

Будет восторженно и звеняще,
Будет, я верю, — всё в мире старо.
Только всё чаще, и чаще, и чаще
Вдруг над строкой застывает перо.

* * *

Мы полжизни проехали, в полку лицо уронив,
Мы детей проглядели родимых
и женщин любимых,
Ничего не открыв до конца о себе и о них,
Заплутав навсегда в постулатах то ложных,
то мнимых.

Проще, легче бы надо — смотреть, говорить,
ощущать
Сопричастность, родство
иль хотя бы к такому стремиться,
А теперь слишком поздно пытаться
вещать, обличать,
Можно только с реальностью,
созданной нами, смириться.

Вечно время винили, большую нехватку его,
А нехватка тогда укрывалась
в иных измерениях,
Надо было порою сыскать
лишь минутку всего,
На лужайке присесть,
чтоб сейчас не рыдать на камнях.

Кто-то прошлое неумолимо закрыл на засов

И внимать не желает,
 что странник снаружи хлопочет.
Скоро будет для слов самых нужных
 так много часов,
Только слушать никто
 стариковских речей не захочет.

* * *

Всё будет в срок: и радость, и тоска,
И с миром нашим грешным примиренье,
И даже горсть могильного песка, —
Всё впишется в простое измеренье.

Жизнь то трезва предельно, то хмельна
И вовсе безрассудна слишком часто,
Но всё-таки размерена она,
Кому — на тридцать семь, кому-то — на сто.

Я много вынес на сердце забот,
Борюсь, тревожусь, даже проклиная,
Но с миром примирение придет.
Что мне делить с ним, грешному, не знаю...

* * *

В сентябрьском огне промелькнула
у всех на виду
Последняя бабочка, может быть, в этом году.

Среди отцветающих и остывающих дней
Ее ты увидел и грустно застыл перед ней.

Вдруг завтра негаданный холод внезапно придет —
И легкие крылышки вмерзнут в мерцающий лед.

Но, может, не это подспудно пронзило тебя, —
Ты замер, о большем тревожною мыслью скорбя.

Что, если не только ее унесет снеговой
И это — последняя бабочка в жизни твоей?..

* * *

Философ, созерцатель праздный,
Ты попросту незаменим
Над этою тяжелой, страстной
Борьбой, где толкотня и дым.

Да, всё в невозвратимость канет,
И даже, может, без следов,
Но лучше быть цветком на камне,
Чем камнем посреди цветов.

* * *

Не лучшими, другими —
За души и умы, —
Любите нас такими,
Какими стали мы.
Безбожными, пустыми,
Утратившими свет,
С делами не святыми
На плахе наших лет.
Перед кромешной новью,
Уже в аду почти,
Попробуйте любовью
Потерянных спасти;
Хоть что-то в нас увидеть
От Вышнего следа...
Ну а возненавидеть
Успеете всегда.

Век дожить бы в спокойствии,
 словно трава на лугу,
Как простые цветы,
 что сбегают к речушке с угора,
Но уже понимаю и чувствую — вряд ли смогу
Посреди ежедневного дикого спора и сора.

ПЛАТА

Грядет пора открытых чувств
И выстраданной жажды,
За всё на свете расплачусь,
Наверное, однажды.

За детский вымысел и свет,
Что брал я безвозвратно,
Чем в этой жизни был согрет,
Как думалось, бесплатно.

За тот полуночный вокзал,
Что я проехал мимо,
За те слова, что не сказал
Я женщине любимой.

За каждый шаг, за каждый жест,
Казалось бы, случайный,
За боль родных забытых мест,
За плач звезды печальной.

Среди нахлынувших потерь,
В людские глядя лица,
Не платы я боюсь теперь, —
Боюсь — не расплатиться.

* * *

Как старьевщик, берегу,
Собираю дорогое,
Перед чем душа в долгу,
Что нельзя смахнуть рукою.
Этот высохший цветок,
Эту стертую монету.
Этот скомканный листок,
Призывающий к ответу.
Письма. Старые значки,
Пробки выпитых бутылок,
Что взлетали в потолок
Посреди братьев милых.
Так достанешь иногда
Миг ушедшего уютца —
И далекие года
В пальцах дрогнувших забудутся.
В дни, когда не разрешить
Спор меж праведным и ложным,
В дни, когда возможно жить
Только будущим и прошлым.

* * *

Наталии Матюхиной

Снег в монастыре Борисоглебском,
Тихим светом, серебристым плеском
Родина торжественно полна;
Мы стоим под этим белым снегом,
Черным обездоленные веком,
Слава Богу, прожитым сполна.

Ну а что последует за оным
Времени отрезком заметным,
Откровеньем явленным для нас, —
Точно то же или же другое —
Чуткое, святое, дорогое,
Золотое, что иконостас?

Ничего не загадать, не пробуй, —
Одаренный милостью особой,
Выпавшей неведомо за что,
Просто так дыши, смотри на небо,
Не считай, что выглядишь нелепо,
Гражданин в заснеженном пальто.

Может, в этом и явилось чудо:
Всё, что было пошло, дико, худо,
Отступило, скрылось в пелене;
Дал Господь сегодня просветленье,

Так прими его благоволение
От мирских безумий в стороне.

Купола белены и стены
В чистоте своей благословенны,
Будь же нынче равен им и ты.
Снег в монастыре Борисоглебском,
Ниточки, наполненные блеском,
Брошенные с Божьей высоты.

* * *

Жизнь моя, жизнь перелетная, —
Билась, как бабочка легкая
По-над лужайкою вешнею,
Чистой была и безгрешною.

Резвою пчелкой гудящею
Ношу несла настоящую,
Сладкую ношу медовую,
Славила волю бедовую.

Ласточкою заботливой,
Строгой, трудоохотливой
Теплое гнездышко ладила,
Птенчиков крылышком гладила.

Так и вела исчисления,
Переживая сомнения...
Скоро над черною кроною
Грустной закружит вороною.

* * *

Где бывшие порывы
и жаркая страсть восхищенья
Красотою влекущей,
зовущей тебя высотой?..
Безответны к слабеющим чувствам
твои обращенья
За отмеренной жирно полувековой чертой.

Да, исход однозначен, и, волю по капле собирая,
Я тяну, словно летчик,
до заданной мне полосы, —
Если б ведать приметы
для всех неизбежного края,
Только это загадка на здешние дни и часы.

Как же быть —
промерять умудренно рассветы и вёсны,
Чтобы где не скривить
и не выдать свою слабинку,
Или просто идти
сквозь родные березы и сосны
В ту, из тихого света и святости вечной, страну?..

* * *

Девочки из юности моей,
Ангелы, витающие в небе,
В платицах любимых матерей,
Отмечтавших о любовной неге.

Первые признания...Листки
С робкими, наивными стихами...
Далеки вы нынче, далеки,
Грезящие чистыми грехами.

И среди пришедших новых дней
Вспоминаю канувших в безвестье
Девочек из юности моей,
Ангелов, парящих в поднебесье.

И всё чаще платьев паруса
Плещутся по сентябрю и маю,
И всё чаще грустные глаза
К утреннему небу подымаю.

* * *

Чего прошу и чем дышу,
Что за душой своей ношу,
Чему она сегодня рада?
Не умерла бы кисть в руке,
Не высохла бы жизнь в строке, —
И больше ничего не надо.

Я предан данному пути,
Живущий вполужаперти,
В себе храню
 свою свободу,
И раб себе, и господин,
И судия себе один, —
Отмел поденщину и моду.

Но, как бы ни метался ты,
Былого строгие черты
В твоём лице закаменели,
И не старайся их стереть,
И не пытайся их презреть, —
Сломаешься на этом деле.

Спокойно в прошлое гляди,
Важнее то, что впереди,
То, что нисходит на макушку.
Пристойно доживи свой век,

Пока еще ты — человек,
Хотя б на треть иль четвертушку.

Отставь стакан, возьми перо,
Родное ремесло старо
И ново

в облике предтечи.

Гони свое безверье прочь,
Грядет рождественская ночь, —
Не опоздай затеплить свечи.

* * *

Кто заплатит за всё, кто за всё без остатка
заплатит?
Мы-то, видно, уже
завершаем сполна, что могли.
Этой длинной строки
все равно для дыхания не хватит,
Если воздуха нет,
безвоздушно пространство земли.

Так случалось не раз
и еще не однажды случится.
Три кудрявых пророка недаром до срока ушли.
Бессловесное время
настойчиво в двери стучится,
И присягу ему наши дети уже принесли.

Недоступный Гомер слепоту роковую срывает,
Царь музы́ки Бетховен срывает свою глухоту...
А перо застывает,
строка на бегу остывает,
Белогрудая птица сломала крыло на лету.

Что прощенья просить у властителей слова
и звука,
Нет спасения в том, угрызенья от века пусты.
Постижение света — не просто святая наука,

Это божеский дар,
это знак неземной высоты.

Если б знать, что вернется однажды,
воскреснет всесилье,
Можно было бы твердо довериться воле судьбы.
Только воздуха нет, и у птицы поломаны крылья,
И выносит разливом с кладбищ родовые гробы.

Век мой, дай хоть глоток, полглотка задохнуть
напоследок.
Не прошу — призываю, взываю к тебе горячо.
Пусть обрызжет лицо мне
росою с полуночных веток
И апрельская бабочка сядет ко мне на плечо.

И тогда, может быть, разгляжу я зеленую почку,
И услышу, как в будущих рощах поют соловьи,
И к губам поднесу молодую,
весеннюю строчку,
И улыбке внезапной доверятся губы мои.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Сергей Хомутов родился в 1950 году в городе Рыбинске, где живет и в настоящее время. Здесь будущий поэт учился в школе, техникуме, начал печататься в газетах и коллективных сборниках. Первое стихотворение было опубликовано в городской газете «Рыбинская правда» в 1967 году, а первая книжка «Пускай растет березка» вышла в Ярославле в 1979. После этого Сергей Хомутов закончил Литературный институт им. А.М. Горького, в 1987 году был принят в Союз писателей СССР. В разное время в Москве, Ярославле, Рыбинске изданы более двадцати его поэтических книг. Широко печатался в периодике: журналах «Новый мир», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Огонек», «Юность», «Октябрь», «День и ночь», «Волга», «Север», «Всерусский собор» и многих других, а также в антологиях и альманахах.

Трудовая деятельность Сергея Хомутова, которая неразрывна с творческой, началась в типографиях Сибири и Забайкалья, продолжилась на предприятиях и в газетах Рыбинска и Ярославля. Последние два десятилетия он работает в издательстве «Рыбинское подворье», сейчас — директор этого одного из первых в России негосударственных издательств. В течение семи

лет возглавлял региональный литературно-исторический журнал «Русь». Многие годы Сергей Хомутов является членом правления Ярославской писательской организации СП России. Он заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат литературных премий, действительный член Петровской академии наук и искусств.

СОДЕРЖАНИЕ

НАДЕЖДА ЕСТЬ ЕЩЕ ПОКА

<i>От автора.</i> Постигать непостижимое	5
«Художник, мифотворец, ты свободу...»	8
«Я отвечу холодному веку...»	9
«Вослед за царевной-лягушкой...»	11
«У прошлого двойная власть...»	12
«Пусть судят и налево и направо...»	13
«И комедии были, и драмы...»	14
«Когда выпадаешь из времени...»	15
В конце шестидесятых	16
«Все меньше дел непроходимых...»	18
Мой свет весенний	19
«Где ты нынче блуждаешь — ни слова, ни звука...»	21
Мой клоун	22
«Не там, наверно, ищем вред...»	23
«А женщина, хранящая тебя...»	24
«Ну какие правила и нормы...»	25
Пробуждение	26
«Милая родина, грустная родина...»	27
«Я виновен или все-таки закон...»	28
«Где ты, непосредственность?...»	29
«Ничего не откроет набег экскурсанта...»	30
«Из какой бы ни выбрался чащи...»	31
«Не всё еще, но испытал...»	32
«Печально всё — и то, и это...»	33
«В каком бы ни был положении зыбком...»	34
«Поезда мои странными стали...»	35
Дикоросс	37
«Кто мы все-таки — нечто живое...»	39
«Кромсает время, будто нож...»	40

«Тот сгорел за десяток отчаянных лет...»	41
«Умирают учителя...»	42
«Эпохи нынешней приметы...»	43
«Истории нашей страницы известные...»	44
«На станции Ростов я водку пил в буфете...»	45
«Я выйду в мир, в кипенье тополей...»	47
«Живя надеждой, ожидая чуда...»	48
В родимых местах	49
«Просветленья глубоких таинств...»	50
«В рекламных шоу, пиршествах тщеславия...»	51
«Апрельское время шальное...»	52
«Жизнь ставит невозможные уже...»	53
Памяти Мологи	54
Возвращение	55
«Брат мой, призадумался о чем?...»	59
«Невесело на родине моей...»	60
«Зрелых годов касание...»	61
«Надежда есть еще пока...»	62
«Мысли наполовину о лете...»	63
«Кирпич, древесная гнилуха...»	64
«Темное, тайное Неро...»	65
«Постойте, серые дожди...»	66
Возраст	67
«Птицы смолкли в желтеющей роще...»	68
«Всё позади: пересуды и споры...»	69
«Уходит былая жестокость...»	70
Близкой женщине	71
«Я помню детство — зимы с вёснами...»	72
«Замерзла скрипка, и застыл скрипач...»	73
«В блаженной тишине и на ветру крутом...»	75
«Не скажу, что остались в запасе большие резервы...»	76

ЗА ЧИСТЫМ ЧЕТВЕРГОМ

Приговор	78
«Легко сказать, что ты — всего лишь зритель...»	79

«Плата за душу теперь всё дороже...»	80
«Всё разумное в нас и безумное равновелико...»	82
«Грядет ли душе вознесение?..»	84
«Не собрать нас уже, не собрать...»	86
«Неужели мы снова сегодня уйдем из России...»	88
«Что камни — кулаки, и зубы — словно зубья...»	90
«До какой не извернешься темы...»	91
Весна 2010	93
«Не раз беда судьбы касалась...»	95
«Ляжет на душу темная трещина...»	96
«В стране, где правды две иль три...»	97
«Мы вседневной овсяны тайной...»	98
«Просят люди на хлеб...»	99
«Кондовая родина, по деревенькам твоим...»	101
«На станции заплеванной и серой...»	102
Черные ходы	104
«Нам доверили волю, да мы не смогли удержать...»	106
Август 2010	107
«Не к торговцам устремляюсь липким...»	108
«Не объявишься нынче, — хоть крикни...»	109
«Несозвучна эпоха бессмертному слову стиха...»	110
«Мы поедем по русским родным уголкам...»	111
«Посреди бесполых шествий...»	112
«За Чистым четвергом, со строгой чистотою...»	114
«Не играю никакую драму...»	115
«Последние дни уходящего лета...»	116
«Воплощая свет Отца и Сына...»	117
«У пошлости, по сути, нет одежды...»	118
«Последние силы срываю...»	119
«Они приходят к нам, безысходным...»	121
«Черную беду не пересиля...»	123
Лето 2009	124
«Тревожной мыслью сам себя неволишь...»	125
«Когда настанет час прощальный...»	126
«Адрианова пустынь, простор, тишина...»	128
«Что судить наше время и нас...»	130

«Нас не убьют, нас просто не заметят...»	131
«Дни обступают уродливо...»	133
«Обнаженной душевная боль...»	134
«Неуютно поэзии в наших шаблонных домах...»	135
«Теряют голоса поэты...»	136
«На Казанскую выпадет чистый снежок...»	137
«Мы — странники века чужого, и в новой толпе...»	138
«Я уже не вернусь в разнотравья мои луговые...»	139
«В эту раннюю осень вхожу я уже не спеша...»	140

ОТКУДА ВЫШЛИ МЫ

«Еще пытаюсь уберечь...»	142
«Провинция вяжет навечно...»	144
«Ну где вы, небесные истины...»	145
«Внимая означенным срокам...»	146
«Окраинный неповторимый свет...»	148
Дошкольные года	149
«Там, где чистый рассвет...»	151
«Ну кто я — до конца не осознать...»	153
«Подальше от Царя, поближе к Богу...»	155
«Может, легче бы время лихое душой перенес ты...»	157
«Всё чаще мысли грустные приходят...»	159
Прощание	160
Заволжский край	162
«Извините меня, оправдайте, простите...»	163
«К исходу жизнь моя не обратится в птицу...»	165
Старый Рыбинск	167
Видение	168
«Полсотни разных трав, цветов не меньше...»	170
«Не стоит выносить утраты...»	171
«И грешные падения, и святые...»	173
«Быт привычный в привычной квартире...»	174
«Костер вечерний, тихая вода...»	175
«Еще до Петровá поболе трех недель...»	176
«Высоко деревья над полем выросли...»	177

Августовская мелодия	178
«Может быть, Вивальди, может быть, Шопена...»	179
В сентябрьском парке	180
«Как подаренный мир...»	181
На волжском обрыве	182
«Затоны моего родного городка...»	184
«Какая гонка!.. Не пора ли всё же...»	185
«К тихому саду пустая дорога...»	186
Утрата	187
«Октябрь на свет не поскупился...»	188
«Откуда вышли мы — из деревень, с окраин...»	189
«С трав огородных домой принесенная...»	191
«Что надо еще для поэта, что надо?...»	192
Ожидание	193
«Год из года ты хочешь в порядок балкон привести...»	194
«Хочу за Волгу, за ручей Крутец...»	196
В тупике	197
«Во времена иных знамен...»	198
«Не вяжутся мысли осенние...»	200
На Волжской набережной	201
«Судьба моя — российские задворки...»	203
«Посыл родства уже почти угас...»	205
«Жизнь моя так отчетливо разделена...»	206
Рождественская свеча	207
«Вокзальный гул. Перрон. Прощание в толпе...»	208
«Ты держи меня, жизнь, ты упрямо цепляйся...»	210
На склоне лет	211

ВСЁ БУДЕТ В СРОК

«Не голос решает, и даже не слово...»	214
«А удача, она прихотлива...»	216
«Вновь январская полночь на землю спустилась ...»	217
«Смысл жизненный всё очевиднее...»	218
«Белый свет, черный свет...»	219
«Всё просто, как январский снег...»	221

«Людское в нас неистребимо...»	222
«Не нужен проводник отсюда и туда...»	223
Затмение	224
«В анархическом рае ольхи...»	225
«Игра... Игра... До края, до исхода...»	227
«Зачем искать дороги лучшей...»	228
«Вспоминаю, что было...»	229
«По-разному талант отмерил Бог...»	230
«В любой эпохе — лишь осколок...»	231
«Убьет не боль, нет, не она...»	232
«Воспета шашками и перьями...»	233
«Всё выстрадано миром, пережито...»	234
«Что́ все наши вопли с высоких мест...»	235
«Сижу на тоненькой меже...»	236
«Мы все шуты при королях — всего лишь...»	237
«Не подвержена разному торгу...»	238
Коктебель	239
«Мыслится тревожно и сурово...»	240
Осенняя музыка	241
«Студеного ветра тяжелый полет...»	243
«В монастырской густой тишине...»	244
«Угрюмы люди, ох угрюмы...»	245
«Когда уходит женщина...»	247
«В странной сущности своей...»	249
Великие	250
«Убийством ставшая дуэль...»	251
«Имеющий глаза и уши...»	252
«Извечные высоты человека...»	254
«Здравствуй, Отечество, то есть живи...»	255
Прыжок	257
«Среди убежденных и бодрых...»	258
«Пусть пребудут отвязанность или приколотость...»	259
«Скоро заведомым холодом дунет...»	260
«Мы полжизни проехали, в полку лицо уронив...»	261
«Всё будет в срок: и радость, и тоска...»	263
«В сентябрьском огне промелькнула у всех на виду...»	264

«Философ, созерцатель праздный...»	265
«Не лучшими, другими...»	266
«Век дожить бы в спокойствии...»	267
Плата	268
«Как старьевщик, берегу...»	269
«Снег в монастыре Борисоглебском...»	270
«Жизнь моя, жизнь перелетная...»	272
«Где бывшие порывы и жаркая страсть восхищенья...»	273
«Девочки из юности моей...»	274
«Чего прошу и чем дышу...»	275
«Кто заплатит за всё, кто за всё без остатка заплатит?...»	277
<i>Биографическая справка</i>	279

Литературно-художественное издание
ВСЁ БУДЕТ В СРОК
Хомутов Сергей Адольфович

Редактор *Т.Н. Спирина*
Технический редактор *А.С. Хомутов*
Художник *Г.В. Соколов*
Корректор *Т.Н. Спирина*

Сдано в набор 26.05.2010. Подписано в печать 06.09.2010.
Формат 70х100/32. Гарнитура «Newton С». Бумага офсетная.
Усл. п. л. 10,4. Тираж 500 экз. Заказ . Цена договорная.

Издательство «Рыбинское подворье»
152901, г.Рыбинск, Волжская набережная, 77.

ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г.Рыбинск, ул.Чкалова, 8.